

ВОСПИТАНИЕ ГОСУДАРЯ

ПРИДВОРНЫЕ УЧИТЕЛЯ НАСЛЕДНИКОВ РИМСКИХ АВГУСТОВ КОНЦА IV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V ВЕКА*

М.А. ВЕДЕШКИН

Настоящая статья посвящена широкому кругу проблем, связанных с обучением наследников династии Валентиниана-Феодосия. В ней освещаются биографии воспитателей царственных детей бурдигальского ритора Авзония, константинопольского софиста и философа Фемистия, римского сенатора Арсения, персидского евнуха Антиоха, киренского аристократа Анастасия, царедворца Петрония Максима. Предоставляется общая оценка деятельности придворных училищ, а также прослеживается трансформация статуса наставников наследников престола. Делается вывод, что в сравнении с I–III в. н.э., политический вес придворных учителей существенно укрепился. Это было связано с окончательным оформлением принципа династизма и утверждением представлений о сакральном характере императорской власти. В результате полноправными государями римской державы все чаще становились дети или юноши. Августы, становившиеся носителями неограниченной власти в столь юных годах, конечно же не могли быть самостоятельны в своих действиях и в той или иной степени зависели от своего непосредственного окружения, в том числе и от наставника. В случае, если август доверял и ценил своего воспитателя, то он мог приобрести почти неограниченную власть. Кроме того, в статье дается характеристика общих принципов рекрутирования наставников наследников престола. Выдвига-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18–78–10001–П «Образовательное пространство и антропопрактики античного и современного города».

ются аргументы в пользу того, что учителя наследников, как правило, избирались из слоев знати, в поддержке которых, на тот момент было наиболее заинтересовано правительство. Также в статье предпринимается попытка восстановить куррикулум их школ. Делается вывод, что он, по-видимому, не слишком отличался от стандартной образовательной программы, принятой на вооружение сотнями грамматических и риторических школ. Некоторые отступления от общепринятых учебных планов могли быть продиктованы личными пристрастиями заказчика, то есть государя-отца или же самого педагога. Более того, освещается вопрос о соучениках августов. Приводятся данные, подтверждающие гипотезу о том, что, в конце IV – начале V в. в Константинополе сформировалось нечто вроде придворной школы, в которой вместе с наследниками престола учились их родственники соответствующего возраста, а равно и дети высокопоставленных чиновников и полководцев. По-видимому, привлечение к обучению будущих государей их ровесников, должно было привнести в учебный процесс соревновательный элемент. Кроме того, принятие детей видных государственных и военных деятелей ко двору могло гарантировать лояльность их отцов, а в будущем обеспечить наследников престола верными друзьями и сподвижниками — после окончания обучения однокашники римских августов могли рассчитывать на высокие придворные посты.

Образовательную традицию поздней античности сложно назвать обойденной вниманием исследователей. За последние десятилетия вышли десятки монографий и сотни статей, освещающие отдельные аспекты этой темы. Среди них труды, посвященные биографиям выдающихся преподавателей, истории отдельных школ, специфическим педагогическим практикам и школьной культуре. Проблема воспитания и обучения наследников престола Римской империи также неоднократно поднималась в литературе. При этом исследователи, как правило, фокусировали свое внимание на царственных юношах семьи Констанция Хлора (прежде всего Юлиане Отступнике). Образование мальчиков из дома Валентиниана-Феодосия либо вовсе не рассматривается, либо затрагивается мимо-

ходом в работах, посвященных отдельным представителям династии (чаще всего Грациану)¹ или же их знаменитым учителям (в основном Авзонию и Фемистию)². Единственной работой, в которой была сделана попытка представить более-менее цельный обзор принципов функционирования придворных школ, является книга Г. Шланге-Шенингена, в которой эта тема кратко затрагивается в одной из глав³. Настоящая статья ставит целью заполнить эту историографическую лауну и осветить деятельность придворных училищ, а также оценить изменения политического статуса наставников юных наследников престола, охарактеризовать принципы их рекрутирования, и охарактеризовать куррикулум их школ.

Авзоний и Грациан

Император Валентиниан I был опытным полководцем, пользовавшимся заслуженным уважением в войсках. Вместе с тем, его отношения с гражданскими элитами нельзя было назвать особенно теплыми. Август не был опытным администратором и подчас излишне доверял своим корыстолюбивым придворным и чиновникам, творившим беззаконие от его имени. Более того, император имел крутой нрав и был вспыльчив и скор на расправу⁴ — царствование Валентиниана отметилось громкими политическими процессами против представителей столичной и провинциальной аристократии. Оценивая характер императора, Аммиан Марцеллин отмечал, что «...он ненавидел людей хорошо одетых, высокообразованных, богатых и знатных» (Amm. XXX.8.10)⁵.

Валентиниан происходил из военной семьи. Его отец, Грациан Старший, поднялся из невысоких чинов и под конец карьеры

¹ Напр., Fortina (1953).

² Напр., Heather, Moncur (2001); Sivan (1993); Vanderspoel (1995).

³ Schlange-Schöningh (1995). P. 53–59.

⁴ См. Amm. XXX.9.6. Об образе Валентиниана у Аммиана Марцеллина, см. также Teitler (2007); Voefl et al. (2015). P. 193–194, с обзором историографии.

⁵ ...bene vestitos oderat et eruditos et opulentos et nobiles et fortibus detrahebat... Здесь и далее цитаты из Аммиана Марцеллина приведены в переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. Комм. на этот отрывок, см. в: Voefl et al. (2015). P. 178.

скопил немалое состояние¹. Несмотря на это, его сына нельзя было назвать образованным и культурным человеком. Впрочем, едва ли можно согласиться с Зосимом, заявлявшим, что Валентиниан был совершеннейшим неучем (Zos. III.36.2). Столь же недостоверной выглядит характеристика императора, данная его придворным поэтом, называвшим своего августа «*vir eruditus*» (Aus. Cent. Nupt. Praef.). Истина была где-то посередине. Недолголюбивавший императора Аммиан Марцеллин вспоминал, что Валентиниан довольно складно писал и порой мог произнести неплохую речь (Amm. XXX.9.4)². Более того, он был знаком с творчеством Вергилия и был способен составить простенький центон (Aus. Cent. Nupt. Praef.). Возможно, император даже немного понимал по-гречески³. Таким образом, Валентиниан, несомненно, не был полным невеждой. И все же он оставался грубым солдафоном и имел соответствующие вкусы⁴. Более того, он был паннонцем, которых представители культурной элиты считали едва ли не полуварварами⁵. Иными словами, для установления связей с традиционными элитами Валентиниану не хватало образованности, «гражданственности»⁶ и светского лоска.

Император не мог не думать о судьбе своей династии и стремился воспитать наследника таким образом, чтобы сделать его

¹ О нем, см. Lenski (2002). P. 46-49.

² См. комм. в Voefl et al. (2015). P. 190-191.

³ Ср. Them. Or. IX.126b. Обсуждение вопроса о знании Валентинианом I греческого, см. в Lenski (2002). P. 94, n. 160.

⁴ См., напр., написанный для него полупорнографический «Свадебный центон» (Aus. Cent. Nupt. 8) или же «Гриф о числе три» (Aus. Gripph. Tern. Num.), посвященный вопросу, сколько следует пить на пиру. Придворный поэт Валентиниана, несомненно, имел представление о вкусах своего императора. Ср. Green (1991). P. 518-519; Lenski (2002). P. 93-94.

⁵ Об отношении к Паннонии и паннонцам в античной традиции, см. Balsdon (1979). P. 66; Lenski (2002). P. 86-88. Об отношении к Валентиниану, как к варвару или полуварвару, см. Voefl et al. (2015). P. 194, с историографическим обзором.

⁶ О значении *civilitas* — «гражданственности», в пропаганде позднеримских императоров, см. Born (1934); Storch (1972); Kelly (2008). P. 148-150.

приемлемым государем, не только для чиновничества и военных, но и для светской знати. На момент вступления на престол у Валентиниана уже был сын — родившийся в 359 г. Грациан. Судя по всему, вскоре после того, как император приехал на запад, он принялся подыскивать ему достойного воспитателя¹. Его выбор пал на софиста Децима Магна Авзония². Авзоний был уроженцем Бурдигалы — крупнейшего интеллектуального центра позднеримской Галлии, знаменитого своими многочисленными школами³. Он родился ок. 310 г.⁴ в семья куриала среднего достатка⁵. В молодости Авзоний получил хорошее грамматическое и риторическое образование, сначала в родном городе (*Aus. Prof.* 8.9–12, 10.11–13; *Prof.* 3.1), а затем в Толозе, где преподавал красноречие его дядя Арборий (*Aus. Par.* 33.7–10). После непродолжительной работы адвокатом (*Aus. Praef.* 17) он возвратился в Бурдигалу, где посвятил себя педагогике. За тридцать лет деятельности на ниве народного просвещения (*Aus. Praef.* 23) Авзоний прошел все этапы преподавательской карьеры — от ассистента грамматика до муниципального риторика⁶, и обучил искусству красноречия сотни молодых галльских аристократов. Можно предположить, что кто-то из его учеников, служив-

¹ См. сообщение Аммиана Марцеллина о том, что уже в августе 367 г., Валентиниан заявлял, что его сын принялся обучаться наукам еще в «ранней юности» (*Amm.* XXVII.6.9).

² Краткие биографические очерки, см. в Jones, Martindale, Morris (1971). P. 140-141 (*Ausonius* 7); Kaster (1988). P. 247-249 (21. *Decimus Magnus Ausonius*); Green (1991). P. XXIV-XXXII.

³ О Бурдигале как важном центре образования римской Галлии, см. Naarhoff (1920). P. 47-48; Sivan (1993). P. 79-83. О статусе местных риторических школ красноречиво свидетельствует тот факт, что знаменитый сенатор и оратор Квинт Аврелий Симмах обучался риторике у уроженца Бурдигалы (*Symm. Ep.* IX.88). Своему сыну он также присмотрел галльского учителя (*ibid.* VI.34).

⁴ О дате рождения Авзония, см. Booth (1982). P. 329-330, п. 4.

⁵ Его отец был врачом и, судя по всему, не мог похвастаться благородным происхождением, в отличие от его матери, являвшейся наследницей нескольких знатных, хотя и обедневших галльских родов. О семье Авзония, см. Hopkins (1961). P. 240-243; Sivan (1993). P. 49-73.

⁶ О его академической карьере, см. Booth (1982).

ший при дворе Валентиниана, и порекомендовал его августу в качестве воспитателя для юного наследника престола.

Впрочем, педагогические и литературные таланты, которые Авзоний щедро демонстрировал в своей поэзии, были не единственными факторами, обеспечившими бурдигальскому ритору место при дворе. Валентиниан, прежде всего, мыслил себя императором-воином. Большую часть своего царствования он провел на территории Галлии, отражая набеги зарейнских варваров. На памяти Валентиниана командующие местными армиями трижды решались пойти на узурпацию власти, причем каждая из этих попыток была в той или иной степени поддержана местной знатью¹. Император служил в Галлии во второй половине 350-х гг.² — и, вероятно, успел завязать контакты с офицерами, служившими на рейнском лимесе. Его авторитет в армии укрепляли и победы в войнах с германцами. В целом, в верности воинства Валентиниан мог не сомневаться. Иное дело, светские элиты региона, не испытывавшие особых симпатий к новому императору³. Назначение воспитателем наследника представителя галльской знати служило своего рода гарантией того, что после вступления на престол новый император будет разделять ее культурные и социально-политические идеалы, уделять ее нуждам особое внимание. Более того, назначение Авзония наставником Грациана приобщило будущего властелина запада к обширной социальной сети его учителя — многочисленные галльские аристократы некогда бывшие воспитанниками бурдигальского софиста, имели того же «школьного отца», а следовательно, становились «школьными братьями» наследни-

¹ Узурпация Магна Максима в 350 г., узурпация Сильвана в 355 г. и узурпация цезаря Юлиана в 360 г.

² См. *Amm.* XVI.11.6–7.

³ Потенциальная нелояльность галльских элит проявилась во время тяжелой болезни императора в начале 367 г., когда входившие в его окружение «галлы» заговорили о том, что преемником умирающего императора должен стать один из них — глава императорской канцелярии Рустик Юлиан (*Amm.* XXVII.6). О нем, см. Jones, Martindale, Morris (1971). P. 479-780 (*Iulianus* 37); Chastagnol (1960). P. 44; Drinkwater (1987). P. 254; Matthews (1989). P. 272-273; Sivan (1993). P. 99-100. Анализ этого отрывка труда Аммиана Марцеллина, см. в Voefit et al. (2009). P. 129-130.

ка¹. Таким образом, авзониево воспитание в некотором смысле «галлизировало» Грациана, делало его «своим» для местной аристократии, что, в свою очередь, расширяло социальную базу сторонников режима Валентиниана I.

Наконец, нельзя исключать, что среди причин выдвижения Авзония на пост учителя Грациана были и высшие династические интересы. Для укрепления легитимности своей династии Валентиниан I всеми силами пытался выстроить связи с домом Констанция Хлора, представители которого правили империей с 293 по 363 г.: Грациану была просватана внучка Константина I — Констанция (Amm. XXIX.6.7), а сам Валентиниан был женат вторым браком на Юстине, происходившей от одной из боковых ветвей династии Констанция². Присутствие Авзония при дворе также помогало укрепить образ династической преемственности — его дядя и учи-

¹ К примеру, Либаний неизменно называл бывших учеников своими «детьми» (напр., *Lib. Or.* 62.27; *Ep.* F960 / N170; F1130 / C121; F1454 / C115; F294 / C6; F300 / C103; F137 / C105; F239 / 109; F1102 / C122; F895 / C125; F1071 / C136; F876 / C141; F381 / B178). Нумерация писем Либания приводится по изд. Ферстера (F), Нормана (N), Брэдбери (B) и Крибиор (C). Философ Плутарх Афинский именовал Прокла своим «ребенком», хотя между ними не было кровного родства (*Marin. V. Procl.* 12), а сам Прокл впоследствии величал своего учителя Сириана «родителем», а наставника Сириана Плутарха — «своим дедом» (*Marin. V. Procl.* 29, ср. *Procl. In Parm.* 1058.22.). В посланиях к своей наставнице Гипатии Синезий обращался к ней: «мать, сестра и наставница» (*Syn. Ep.* F16 / G16 / C134, нумерация писем Синезия приведена по изд. Фиджеральда (F), Гарзия (G) и Сидаша (C). О «родственных» отношениях между учителями и учениками позднеантичных школ, см. подробнее: Petit (1957). P. 35-36; Kaster (1988). P. 67-69; Criore (2007). P. 140-141; Watts (2012). P. 472; Watts (2015). P. 53-54.

² См. подробнее, Lenski (2002). P. 102-103. Степень родства Юстины с домом Констанция Хлора доподлинно неизвестна. По мнению ряда исследователей, она была внучкой Юлия Констанция от его брака с Галлой (Rougé (1958); Sabbah (1992). P. 99-100; Frakes (2005). P. 97; Chausson (2007). P. 160-188). Впрочем, Н. Ленски полагал, что она была племянницей Галлы (Lenski (2002). P. 103), а Т. Барнс и Д. Вудс считали ее внучкой или даже правнучкой цезаря Криспа от его брака с Еленой Младшей (Barnes (1982). P. 44; Woods (2004). P. 325-327.

тель Арборий в свое время был воспитателем одного из цезарей дома Констанция (*Aus. Prof.* 16)¹. Таким образом, сам Авзоний мог считаться академическим и даже биологическим наследником воспитателя царских детей.

О том, чему именно и как Авзоний учил Грациана известно не много. Можно предположить, что curriculum будущего государя не сильно отличался от стандартного учебного плана грамматических и риторических школ Римской империи: обучение письму и чтению, анализ классических текстов, теория композиция и правила составления речей для публичных декламаций². В обращенной к внуку поэме, в которой Авзоний в некотором смысле подводил итоги своей педагогической деятельности, ритор вкратце перечислял литературу, которую должен был изучить юный аристократ в школьные годы: труды Гомера, Менандра, Флакка, Вергилия, Катуллы, Теренция, Цицерона (*Auson. Protrep. (Ep. 22).*45–65). Едва ли Авзоний был единственным учителем императора. Судя по всему, Грациан знал греческий³. Авзонию язык восточных провинций империи был хорошо известен⁴, однако едва ли он владел им настолько свободно, что мог преподавать⁵. Следовательно, при дворе присутствовал как минимум еще один учитель. Тем не менее, Авзоний оставался главным воспитателем императора, следил

¹ Вопрос о том, кого из потомков Констанция Хлора учил Арборий вызывает споры. Чаще всего его воспитанником считают императора Константа (Hopkins [1961]. P. 242; Booth [1978]. P. 245) или Далмация Младшего (Green [1978]. P. 19ff; Barnes [1981]. P. 399, n. 6). Оригинальная версия Х. Сивана, согласно которой учеником Арбория был неизвестный по имени старший брат императора Юлиана распространения не получила. См. Sivan (1988). P. 147-148.

² О позднеантичной образовательной системе, см. Watts (2012). Рус. пер., см. Уоттс (2019).

³ См. Them. Or. XIII.

⁴ Его отец Юлий Авзоний говорил по-гречески даже лучше, чем на латыни (*Aus. Epiced.* 9–10). Сам ритор обучался греческому в бурдигальской школе (*Aus. Prof.* 8), а в зрелом возрасте мог переводить, писать письма и даже стихи на греческом. См. напр. *Aus. Ep.* 7/9; *Epigr.* 14–16 / 23; 80–81; 44 / 25; 49–29.

⁵ Sivan (1993). P. 76-77.

за составлением его образовательной программы и лично преподавал ему латинскую словесность.

Авзоний был мягкосердечным человеком, привыкшим не вбивать свою науку розгами, но завоевывать сердца учеников лаской. Педагогическое кредо ритора нашло отражение в вышедших из-под его пера строфах:

С легким сердцем учись! не так ведь уж грозен учитель.
 Пусть он мрачен и стар, и голос его неприветен,
 Пусть у него на челе угрожающе морщатся складки, -
 Ты, хоть раз увидав его добрым, забудешь о страхе.
 Правду тебе говорю. К морщинистой тянется няне
 С рук материнских дитя, трясущихся деда и бабу
 Предпочитают отцу запоздалые баловни-внуки;
 Не был кентавр фессалийский Хирон Пелееву сыну
 Пугалом; не был Атлант, потрясавший лесною сосною,
 Страшен Амфитриониду; о нет! по-доброму кротки,
 Ласковой речью они сердца покоряли питомцев

(Auson. *Protrep.* [Ep. 22].13–23, пер. М.Л. Гаспарова).

В произведениях Авзония, посвященных его царственному ученику, сквозит неподдельная симпатия к Грациану, успехами которого старый софист по праву гордился. Его юный воспитанник, в свою очередь, благоговел перед своим воспитателем — впоследствии, уже став полноправным владыкой римского мира, он открыто заявлял, что многим обязан своему старому наставнику (Aus. *Grat. Actio.* 4.17; 5.21; 5.23; 18.83; Symm. *Ep.* I.20).

Сердечные взаимоотношения Авзония с его воспитанником, подчеркивавшие *civilitas* наследника, были хорошим материалом для пропаганды, обращенной к образованным слоям населения империи. Вести о почтении, которое Грациан испытывал по отношению к своему наставнику, распространялись даже на территории восточных провинций. В речи, прочитанной в Константинополе 1 января 379 г. ритор и философ Фемистий заявлял: «Я знаю, что пред ним (Грацианом) преклоняют колени все люди, греки и варвары, но сам он склоняется перед своим воспитателем; и что его боятся кельты и германцы, а он... опускает глаза в присутствии своего наставника, и что он испытывает к своему учителю уваже-

ние большее, чем обычные отроки» (ibid. 125с, пер. М. В.)¹. Последующая биография Авзония и членов его семьи служит самым красноречивым подтверждением этих слов.

Большинство современников считало, что Авзоний успешно выполнил возложенные на него обязанности по воспитанию просвещенного государя. В письме к Грациану сенатор Квинт Аврелий Симмах на все лады восхвалял его красноречие и заявлял, что он «почтил муз гостеприимством своего дворца (Symm. Ep. X.2.5). Эту характеристику едва ли можно списать на обычную придворную лесть. Уже после смерти Грациана, его бывшие подданные, как правило, высоко оценивали образованность своего покойного императора. Аммиан Марцеллин отмечал, что Грациан был одарен, красноречив и сдержан (Amm. XXXI.10.18)², а его младший современник свидетельствовал, что Грациан был «образован выше среднего уровня, слагал стихи, красиво говорил, умел разбираться в контроверсиях по правилам риторики» (Epit. de Caes. XLVII.4)³.

Авзоний также не остался в убытке. Постоянное пребывание при наследнике позволило ему наладить контакты с многими представителями высшей знати. В частности, в 369 г. он сдружил-

¹ ...ἐκεῖνον μέντοι πυνθάνομαι προσκυνεῖσθαι μὲν ὑφ' ἀπάντων Ἑλλήνων τε καὶ βαρβάρων, ὑποκύπτει δὲ τῷ διδασκάλῳ, καὶ φοβερὸν μὲν εἶναι Κελτοῖς καὶ Γερμανοῖς, κάτω δὲ ὄρᾳ φανέντος τοῦ τῶν μαθημάτων καθηγεμόνος. εὐλαβέστερον δὲ τῶν ἰδιωτικῶν μεираκίων ὑπέχειν ἑαυτὸν τῷ παιδεύοντι.

² ...facundus et moderatus et... clemens... См. комм. в: Boeft (2017). P. 173-174.

³ Fuit autem Gratianus litteris haud mediocriter institutus: carmen facere, ornate loqui, explicare controversias rhetorum more. Ср. Symm. Or. III.7. Некоторый диссонанс в этот хор хвалебных отзывов о Грациане вносит сообщение Евнапия Сардского, отмечавшего, что информация о нраве и образовании императора была тайной за семью печатями (Eunap. Fr. 5.50, ed. Blockley). Так или иначе, большинство его современников искренне верили в то, что Грациан был весьма образован. По мнению Н. Ленски, аллюзией на Грациана и Валентиниана явились образы хрестоматийного «солдатского» императора Максимиана Фракийца и его высокообразованного (и изнеженного) сына Максима, выведенные анонимным автором (авторами) Historia Augusta (Lanski [2002]. P. 95).

ся с Симмахом, посещавшим треверский двор Валентиниана в качестве официального представителя римской курии¹. Знакомство с Симмахом, в свою очередь, позволило Авзонии завязать контакты с сенаторской аристократией столицы, в том числе с влиятельнейшим представителем знати Вечного города Петронием Пробом². Ритор смог расположить к себе даже сурового Валентиниана. Император ценил поэтические и педагогические таланты обязательного наставника своего сына и охотно делил с ним трапезу. Авзоний вспоминал, что во время очередного похода в земли германцев, в котором участвовал его воспитанник, а следовательно, и он сам, Валентиниан время от времени приглашал его на дружеские пирушки (*Aus. Grifh. Tern. Num. Pr.*). Свидетельством симпатий государя была и его щедрость по отношению к Авзонии — император подарил престарелому вдовцу один из добытых в походе «трофеев» — хорошенькую германскую девушку Биссулу. Несмотря на то, что Авзоний дал ей вольную, Биссула осталась в доме бывшего хозяина на правах конкубины (*Aus. Biss.*).

Впрочем, связи и подарки были не единственной наградой Авзония. С первых лет службы при дворе ритор постепенно поднимался по ступеням государственной службы. Еще в августе 367 г., вскоре после того, как Авзоний был приставлен к Грациану³, его воспитанник был провозглашен августом, то есть сделался официальным соправителем своего отца⁴. Вероятно, сразу после того Авзонии был присвоен почетный, но ни к чему не обязывавший чин комита, т.е. «спутника» нового государя, прибавкой к которому служило автоматическое причисление к сенаторскому сословию (*Aus. Grat. Actio. 2.11; Praef. 35*)⁵. В начале 375 г. Вален-

¹ McGeachy (1942). P. 9; Sivan (1993). P. 111 ff; Sogno (2006). P. 5 ff.

² См. *Aus. Ep. 10/12*. О нем, см. Jones, Martindale, Morris (1971). P. 736-740 (Probus 5).

³ О времени назначения Авзония на пост наставника Грациана существуют разные мнения. Вероятнее всего он вступил в свои обязанности не позднее весны-лета 367 г. См. Sivan (1993). P. 200, n. 33, с обзором различных мнений.

⁴ Ссылки на источники, сообщающие о дате интронизации Грациана, см. в (Jones, Martindale, Morris (1971). P. 401 (Gratianus 2).

⁵ Green (1991). P. 541; Sivan (1993). P. 108.

тиниан даровал Авзонию пост квестора Священного дворца (*ibid.*) — члена высшего государственного совета (консистории), в число обязанностей которого входила разработка новых законов, а также стилистическое оформление императорских указов и ответов на поданные августу прошения¹. Едва ли это назначение было связано с кратким опытом работы Авзония в адвокатуре. Думается, что для Валентиниана куда важнее был риторический талант кандидата, его способность придать языку императорского указа должную изысканность и величавость².

В ноябре 375 г. Валентиниан умер, после чего шестнадцатилетний воспитанник Авзония стал полноправным властителем западной части Римской империи. Вслед за этим на Авзония, его родственников и друзей, как из рога изобилия, посыпались почести и титулы. В 377 г. он был назначен на пост префекта претории Галлии, став таким образом главой гражданской администрации всех британских, галльских и испанских провинций. В 378 г., сохраняя контроль над галльской префектурой, Авзоний также сделался префектом Италии. Год спустя Грациан назначил своего старого учителя первым консулом³. Любовь властелина Рима к своему старому наставнику была столь велика, что ее отблески задели даже членов семьи бурдигальского софиста. В 377 г. его почти девятилетний отец Юлий Авзоний занял пост префекта Иллирика⁴. Сын Авзония — Гесперий в 376 г. получил должность проконсула Африки, а в следующем году разделил со своим отцом префектуру Галлии, а затем и Италии⁵. Авзониев зять Талассий занял пост викария Македонии, а затем стал преемником Гесперия на

¹ Отсюда неофициальное название должности — уста царя (*AP*. XVI.48). О должности квестора Священного дворца, см. Harries (1988); Harries (2001). P. 42-47; Honoré (1998). P. 11-23. О деятельности Авзония на посту квестора, см. Sivan (1993). P. 115-118.

² Знаменитые риторы и поэты нередко становились квесторами, см., напр., Martindale (1980). P. 633-634 (Isocassius); 825-828 (Pamprepius).

³ Ссылки на источники, см. Jones, Martindale, Morris (1971). P. 140-141 (Ausonius 7); Kaster (1988). P. 247-249 (21. Decimus Magnus Ausonius); Green (1991). P. XXIV-XXXII.

⁴ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 139 (Ausonius 5).

⁵ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 427-428 (Hesperius 2).

должности проконсула Африки¹, двоюродный брат Арборий — сделался комитом священных щедрот, а затем префектом города Рима², а муж племянницы — Павлин был назначен корректором Тарраконы³. Не остались обойдены вниманием друзья и сослуживцы Авзония: его коллега Непотиан получил пост презида одной из западных провинций⁴, а его любимый ученик Павлин Ноланский — титул консула суффекта и наместника Кампании⁵. В целом, с конца 375 и по 379 г. *Gens Ausonii* был самой могущественной семьей в империи. В эти годы влияние императорского воспитателя на внутреннюю политику государства было исключительно высоко. В частности, считается, что именно Авзоний был ответственен за организацию примирения двора с римским сенатом, находившимся в оппозиции императорской власти на протяжении большей части царствования Валентиниана⁶.

Головокружительная карьера Авзония и его родни, несомненно, не могла не вызвать неприятия со стороны части знати. Можно предположить, что завуалированная критика юного императора, излишне превозносившего своего наставника, нашла отражение в сборнике *Scriptores Historiae Augustae*, время составления которого определяется последней четвертью IV столетия⁷. Его анонимный

¹ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 887-888 (Thalassius 3).

² Jones, Martindale, Morris (1971). P. 97-98 (Arborius).

³ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 676-678 (Paulinus 7).

⁴ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 624 (Nepotianus 1).

⁵ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 681-683 (Paulinus 21).

⁶ О действиях «правительства Авзония», см. Alföldi (1979). P. 84-95; Matthews (1990). P. 54-55; 68-87; Sivan (2093). P. 131-141; Watts (2015). P. 168-172; Ведешкин (2018). С. 105-106. Кроме того, почти наверняка кто-то из ставленников Авзония был назначен воспитателем младшего брата Грациана — Валентиниана II, провозглашенного августом после смерти отца. Согласно сообщению Аммиана «Грациан, как человек благожелательный и рассудительный, нежно любил своего брата и прилагал все заботы для его воспитания» (Амм. XXX.10.6). Учитывая влияние бурдигальского ритора при дворе Грациана в первое пятилетие его правление представляется маловероятным, что он не озаботился приискать достойного воспитателя для малолетнего соправителя.

⁷ Обзор полемики о дате составления SHA, см. в: Cameron (2011). P. 782-746.

автор вкладывал в уста императору Тациту слова: «Да избавят нас боги от необходимости называть государями мальчиков и отцами отечества детей, руку которых, когда они подписываются, водят их учителя грамоты, и которые дают консульские должности за сласти, за круглые печенья, за всякие ребяческие удовольствия. Какой смысл — о проклятие! — иметь императора, который не знает, как охранять свое доброе имя, который не ведаёт, что такое государство, боится своего дядьки, оглядывается на свою няньку, испытывает страх перед розгами своих учителей, делает консулами, полководцами, судьями тех, чьей жизни, заслуг, возраста, рода, деяний он не знает» (*SHA. XXVII(Tacitus).6.5–6*, пер. С.П. Кондратьева)¹.

Впрочем, всевластие Авзония продлилось недолго. В 379 г. двор Грациана переехал в Медиолан. Здесь молодой и набожный императора подпал под влияние местного епископа Амвросия. Авзоний остался не у дел. Пожилой преподаватель вернулся на родину, где прожил еще около пятнадцати лет, окруженный почетом и любовью родных и друзей. Ему было суждено пережить и оплакать и своего царственного ученика — Грациан был убит узурпатором Магном Максимом в 383 г., и его младшего брата. На прожитую жизнь Авзоний смотрел с чувством заслуженной гордости — он воспитал сотни молодых аристократов, прославился как один из лучших поэтов своего века и достиг всех возможных мирских почестей:

Но в аквитанской земле, где много достойных ученых,
С ними я был наравне, не уступая ни в чем.
Тридцать лет прошло, тридцать консулов в Риме сменилось,
И с городской моей школой расстаться пришлось.
Было повелено мне в золотые явиться палаты
И молодого учить Августа чину словес.
Был я грамматиком здесь, был ритором, этим горжусь,

¹ Di avertant principes pueros et patres patriae dici impuberes et quibus ad subscribendum magistri litterarii manus teneant, quos ad consulatus dandos dulcia et circuli et quaecumque voluptas puerilis invitet. quae (malum) ratio est habere imperatorem, qui famam curare non noverit, qui quid sit res publica nesciat, nutritorem timeat, respiciat ad nutricem, virgarum magistralium ictibus terrorique subiaceat, faciat eos consules, duces, iudices quorum vitam, merita, aetates, familias, gesta non norit.

И для гордыни моей все основания есть:
 Много наставников выше меня бывало на свете,
 Но ни один не учил выше питомца, чем я.
 Пусть учился Алкид у Атланта, Ахилл у Хирона —
 Этот Юпитеру сын, правнук Юпитеру тот —
 Все же один — лишь из Фив, а другой — из Фессалии родом,
 Мой же питомец в удел целый наследовал мир.
 Он меня спутником, он меня квестором сделал, и выше —
 Он мне вверил е о власть Ливию, Галлию, Рим.
 Он мне латинские фаски вручил и курульное званье —
 В консульстве первым из двух имя стояло мое.
 Вот я, Авсоний, каков; не будь же высокомерен,
 Добрый читатель, приняв эти писанья на суд.

(Aus. *Praef.* 21–40, пер. М.Л. Гаспарова).

Фемистий и Валентиниан Галат

Валент, которого его брат Валентиниан I поставил правителем востока в 364 г., несомненно не обладал теми качествами, которые желали бы видеть в своем государе его подданные. Представители образованных слоев общества не могли избежать сравнения Валента с его предшественником Юлианом. Отступник был человеком рафинированной культуры, «эллином» по вере и языку¹, а новый август — христианином, латиноязычным полуварваром-паннонцем², который не только не получил сколь-либо сносного образования³, но даже и не понимал по-гречески⁴. К тому же последователи традиционных культов не могли простить Валенту репрессий против представителей языческой интеллигенции⁵, а христиане-никейцы и

¹ См. Ведешкин (2021) С. 177-178.

² Пристрастие Валента к традиционному паннонскому напитку — изготовляемой из ячменя и проса сабайе, даже способствовало закреплению за августом обидной клички «сабайярия», т.е. «пивняка» (Amm. XXVI.8.2). О прозвище Валента, см. подробнее: Miličević-Bradač (1999). P. 69-70; Lenski (2002). P. 88; Dzino (2005); Boeft et al. (2007). P. 216-217; Ведешкин (2022a). С. 276-278.

³ Lenski (2002). P. 94-95.

⁴ См. Them. *Or.* VI.71c; *Or.* XI.144d; Vanderspooel (1995). P. 180, n. 133; Lenski (2002). P. 94.

⁵ См. напр. Lenski (2002). P. 223-230; Ведешкин (2018). С. 224, n. 5; 230-231.

вовсе считали поддерживавшего омийское исповедание августа нечестивым гонителем сторонников «православия»¹. Более того, в отличие от своего брата и соправителя, император не мог похвастаться величественной (или хотя бы благообразной) внешностью, способной хоть отчасти сгладить это впечатление. По воспоминаниям Аммиана Марцеллина, у восточного августа было смуглое лицо, выпирающий живот, кривые ноги и бельмо на глазу (Amm. XXXI.14.7)². Иными словами, Валент не пользовался популярностью у своих подданных. Император знал о своей репутации и, вероятно, прилагал все усилия, чтобы она не перешла на его преемника. Это требовало подготовки достаточно образованного и утонченного наследника, способного угодить восточным элитам³.

На момент вступления на престол у Валента не было детей мужского пола. Соответственно, у императора не было иного выхода, кроме как сделать ставку на своих дочерей: Анастасию и Каросу. Согласно сообщениям Сократа Схоластика и следовавшего за ним Созомена их учителем был назначен грамматик и по совместительству пресвитер новацианской Церкви Маркиан, отличавшийся исключительной эрудицией, красноречием и благочестием (Soc. IV.9; Soz. VI.9). По-видимому, этот ученый священнослужитель имел большое влияние на своего государя — церковные историки ставили ему в заслугу умягчение нрава Валента и прекращение гонения на последователей новацианства. Впоследствии заслуживший благодарность своих единоверцев Маркиан сделался лидером новацианской общины столицы (Soc. V.21.1–4)⁴.

В январе 366 г. супруга Валента Домника подарила ему сына — Валентиниана Галата⁵. Почти сразу на долгожданного на-

¹ См., напр.: Ruf. HE. II.2–9; Oroz. VII.33.1; 9; 16–18; Soc. IV.2; 6; 9; 12; 15–18; 21; 22; Soz. VI.7; 10; 14; 18–20; Theod. HE. IV.13; 15; 16–18; 21; 22; 24.

² Анализ портрета Валента у Аммиана, см. Boeft (2017). P. 252-253.

³ См. Lenski (2002). P. 195.

⁴ О Маркиане, см. Jones, Martindale, Morris (1971). P. 554 (Marcianus 8); Kaster (1988). P. 418-419 (238. Marcianus); Schlange-Schöningh (1995). P. 53.

⁵ О дате рождения Галата, см. Jones, Martindale, Morris (1971). P. 381 (Galates).

следника обрушился град титулов и почестей, призванных закрепить статус царственного младенца. Вскоре был утвержден и официальный воспитатель мальчика — знаменитый философ-перипатетик Фемистий, по праву считавшийся одним из ярчайших представителем интеллектуальной элиты востока. Фемистий являлся наследником прославленной династии философов и преподавателей — его неизвестный по имени предок (скорее всего, дед) входил в число ближайших советников императора Диоклетиана (*Them. Or.* V.63d)¹, а отец, Евгений, под руководством которого молодой человек начал готовиться к карьере преподавателя «любомудрия» (*Them. Or.* XXI.244b–d), был одним из первых философов, открывших школу в Новом Риме². После того как Евгений был вынужден покинуть столицу³, Фемистий продолжил обучение под руководством другого знаменитого философа (вероятно, Максима Византийского), впоследствии выдавшего за подающего надежды юношу свою дочь⁴. Начало преподавательской карьеры Фемистия пришлось на 340-е – 50-е гг. В это время молодой человек читал лекции по философии и преподавал риторику в Константинополе (*Them. Or.* XXXI.352c), Никомедии (*Them. Or.* XXIV) и, возможно, Анкире⁵. За эти годы Фемистий свел знакомства со знаменитейшим антиохийским софистом Либанием и будущим

¹ Ф. Щеммел и О. Балеро считали, что он был тем самым любимшим роскошь философом-сотрапезником императора, о котором рассказывал Лактанций (*Lact. Div. Inst.* V.2; Schemmel (1908). P. 123; Ballériaux (1996). P. 140-141. Об иных версиях идентификации упомянутого философа, см. Ведешкин (2022b). С. 266, примеч. 19.

² Сведения о том, что Евгений основал училище в новой столице, выводятся из послания Констанция II, сообщавшего, что Новый Рим знал отца Фемистия и высоко чтит его философские дарования (*Ep. Const.* 23a-b). В то же время, родившийся в 317 г. уроженец Пафлагонии Фемистий называл Константинополь городом своего детства и юности (*Them. Or.* XVII.214c; XXXIV.12). См. также Vanderspoel (1995). P. 31. Иными словами, в середине-конце 320-х гг. Евгений с семьей перебрался в новую столицу и открыл там школу.

³ Об обстоятельствах прекращения деятельности училища Евгения, см. Ведешкин (2022b). С. 274.

⁴ Vanderspoel (1987). P. 71-74.

⁵ Vanderspoel (1995). P. 48.

епископом Назианза Григорием, а также множеством других влиятельных интеллектуалов и чиновников. Ок. 350 г. Фемистий удостоился чести держать речь перед лицом императора Констанция II (Them. Or. I), который был впечатлен красноречием философа и включил его в свою свиту¹. К 355 г. Фемистий был избран членом константинопольского сената (Them. Or. II; Lib. Ep. F434 / N12) — август возложил на него обязанность по рекрутированию в курию видных представителей интеллектуальной элиты восточных провинций (Lib. Ep. F34 / 48; F40 / B82; F62 / N51; F70 / N43; F86 / N44)². Дипломатические таланты³ и красноречие Фемистия обеспечили ему почетное место при дворе всех правителей Восточной империи середины — второй половины IV в.⁴. Иными словами,

¹ Впоследствии Фемистий вспоминал о своих частых встречах с императором (Them. Or. XXXI.353a). О благорасположении Констанция II к философу, см. также Lib. Ep. F66/N52; F77.

² Традиционно считалось, что в 358 или 359 г. Констанций II назначил Фемистия на пост проконсула Константинополя — формального главы сената новой столицы. См. напр. Daly (1970). P. 41-43; Jones, Martindale, Morris (1971). P. 890; Daly (1983); Brauch (1993a). P. 85; Errington (2022). P. 872. Это предположение строится исключительно на неверной интерпретации данных Lib. Ep. F40 / B82 и должно быть отвергнуто. См. Dagron (1968). P. 55-57; Dagron (1974). P. 129-133; Heather, Moncur (2001). P. 43-47; Bradbury (2003). P. 119-120. Гипотеза Т. Брауча о том, что Фемистий был префектом Константинополя ок. 366–369 гг. распространения не получила. См. Brauch (2002).

³ Фемистий неоднократно выступал в роли официального представителя курии Нового Рима. По данным одной из последних речей философа Константинопольский сенат десять раз назначал его своим легатом (Them. Or. XVII.214b).

⁴ Единственным августом, при котором политическое влияние Фемистия несколько ослабло, был его бывший ученик Юлиан Отступник. Несмотря на уважение, которое император испытывал к наставнику, их отношения нельзя было назвать теплыми. Непреодолимой преградой между Фемистием и его царственным учеником являлась тесная связь философа с режимом ненавистного Юлиану Констанция II. Еще одним фактором, определившим напряженность отношений между Отступником и Фемистием, было коренное противоречие в оценке современных им философских школ. Фемистий принадлежал к числу комментаторов-

Фемистий был влиятельнейшим членом константинопольской знати¹, имевший обширные связи с политическими и интеллектуальными элитами востока. К тому же у него уже был опыт обучения будущего государя — ок. 350 г. Фемистий некоторое время преподавал философию Флавию Клавдию Юлиану².

Первый, еще довольно аморфный, проект подготовленной для Валентиниана Галата образовательной программы, Фемистий пре-

формалистов, отрицавших распространенные в IV в. мистические интерпретации наследия классиков и критически относившегося к школе Ямвлиха Халкидского, пифагорейству и халдейским оракулам. См. *Them. Or.* XXIII.295; Penella (1999). P. 122 n. 25. Юлиан же, напротив, предпочитал пафос теургического богопознания аналитической традиции. См., напр., *Jul. Or.* V.162b. Об отношениях Фемистия и Юлиана см.: Daly (1980); Elm (2012). P. 82ff; Vanderspoel (1995). P. 125-134; Heather, Moncur (2001). P. 137ff. Впрочем, по данным такого позднего источника как «Свида» при Юлиане Фемистий занимал пост префекта Константинополя (*Suda*. Θ, 122). На это же намекает и сохранившийся арабский текст послания Фемистия к Юлиану (т.н. *Risālat*), переводчик которого Ибн Зура, называл Фемистия «визирем» Юлиана (Vanderspoel (1995). P. 241; Errington (2022). P. 897-902). Эти свидетельства позволили некоторым исследователям утверждать, что Отступник, назначил философа префектом Константинополя в конце 361 – начале 362 г. См.: Brauch (1993a); Brauch (1993b); Swain (2013). P. 83-87. Поскольку ни один из современников, в том числе и сам Фемистий (см., напр.: *Them. Or.* XXXIV), не упоминал о занятии какого-либо поста при Юлиане, данная точка зрения остается маргинальной. См. Errington (2022). P. 897-902.

¹ См., напр.: *CTh.* VI.4.12, в котором оговаривается персональный статус Фемистия, приравненный к статусу высших магистратов Константинопольского сената.

² Вопрос, обучался ли Юлиан у Фемистия является предметом дискуссии. Несмотря на то, что император в письме к Фемистию прямо упоминал о своем ученичестве у константинопольского философа (*Jul. Ep. ad Them.* 257; 259), ряд авторов продолжает отрицать ценность данного свидетельства. См., напр.: Bouffartigue (1992). P. 22; 299-300; Prato, Fomaro (1984). P. 47. Тем не менее, большинство современных исследователей признает, что Юлиан все же брал уроки у Фемистия. См. Daly (1980). P. 2-3; Bradbury (1987). P. 236; Brauch (1993b); Smith (1995). P. 27; Vanderspoel (1995). P. 118; Heather, Moncur (2001). P. 139; Henck (2001). P. 175.

зентовал в марте 368 г.¹ В речи, посвященной победе Валента над готами, философ на все лады воспевал реальные и мнимые заслуги и достоинства императора, в частности его благочестивую семейную жизнь, «божественным ростком», которой он именовал «возлюбленного» наследника престола. Фемистий обещал императору вырастить из Галата нового Александра Македонского (тем самым недвусмысленно намекая на то, что сам он мнил себя «новым Аристотелем»). Верные признаки того, что со временем Галат превратится в царя-философа Фемистий видел в «священстве» брака его родителей (γάμος ιερός)², а также в особой «серьезности», которой якобы проявлял двухлетний ребенок: «Даже сейчас он являет мне доказательства своей царственности — задумчивый лик. Ни один шут не выводит его за рамки дозволенного, ни один чудодей не восхищает его, (он ведет себя) как и подобает тому, кто в будущем станет заниматься философией и иметь иные поводы для восхищения» (Them. Or. VIII.120a, пер. М. В.)³.

В 369 г. еще не достигший и трехлетнего возраста Галат был провозглашен консулом⁴. В торжественной речи, произнесенной по случаю празднования нового года, Фемистий уже более пространно сообщал о своих планах, относительно воспитания наследника престола. В формально обращенной к младенцу речи философ на все лады восхвалял состояние наук и искусств в царствование Валента и призывал Галата превзойти своего отца. Помочь ему в этом должны были находившиеся в его распоряжении учителя и наставники (Them. Or. IX.122d–124b). Сам Фемистий обещал вырастить из мальчика великого государя, сделаться для него новым Фениксом — воспитателем Ахилла. Не поить своего воспитанника вином, но питать его «нектаром и амброзией», то есть философией и риторикой. Своими соратниками в деле воспитания

¹ Dagron (1968). P. 21; Vanderspoeel (1995). P. 168, n. 44.

² Ср. Plat. Resp. V. 458e ff.

³ ...δίδωσι δέ μοι καὶ οὗτος ἤδη τὰ σύμβολα τῶν βασιλικῶν γνωρισμάτων, σύννουν πρόσωπον. οὐ γελωτοποιὸς αὐτὸν προσάγεται ἔξω τοῦ μέτρου, οὐ θαυματοποιὸς ἐκπλήττει, ὥσπερ εἰκὸς τὸν μέλλοντα ἐν ταύτῃ εὐφρανεῖσθαι καὶ ἄλλα θαυμάσειν.

⁴ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 381 (Galates); Bagnall et al. (1987). P. 272-273.

государя Фемистий называл «прославленного Платона и божественного Аристотеля», то есть учение академиков и перипатетиков. Философ убеждал своего воспитанника внимательно изучать наставления великих, а не просто слушать их вполуха (*ibid.* 125d–126d). Очевидно, это был задел на будущее — от двухлетнего ребенка едва ли можно было всерьез ожидать погружения в труды древних мудрецов. Примером идеальных отношений учителя и ученика Фемистий полагал отношения двоюродного брата Галата — августа Грациана с его учителем Авзонием. (*ibid.* 125c). Фемистий был тщеславным человеком и, судя по всему, завидовал влиянию западного коллеги на своего царственного воспитанника.

Мечтам Фемистия о том, что, повзрослев, благодарный Галат возвысит своего учителя, не суждено было сбыться. Около 372 г. мальчик умер (*Greg. Naz. Or.* XLIII.54; *Ruf. HE.* XI(II).9; *Soc.* IV.26; *Soz.* VI.16; *Theod. HE.* IV.19; *Faust. Buz.* IV.5; *Theoph. Chron.* AM 5868)¹. Даже лишившись поста воспитателя наследника престола, Фемистий остался доверенным советником Валента². Сохраняя благорасположение государя, Фемистий не оставлял идей о том, чтобы стать воспитателем нового наследника. Супруга Валента еще была способна к деторождению, а значит оставалась надежда на то, что у царственной четы еще родятся мальчики, которых он сможет обучать философии Платона и Аристотеля³. Однако второй шанс стать наставником будущего императора Фемистий обрел лишь в царствование Феодосия.

¹ О дате смерти Валентиниана Галата, см. *Lenski* (2002). P. 91-92, n. 146.

² В частности, Фемистий убедил августа смягчить свою позицию по отношению к христианам-никейцам. См. *Soc.* IV.32; *Soz.* VI.36–37. Сохранившаяся на латыни условная «XII речь», ранее отождествлявшаяся с упомянутой Сократом и Созоменом фемистиевой апологией религиозной терпимости, признается подделкой XVI в. большинством исследователей (*Foerster* [1900]; *Dagron* [1968]. P. 22; *Daly* [1970]. P. 146; *Goulding* [2000]; *Dostálová* [2000]; *Heather, Moncur* [2001]. P. XII, n. 6). Некоторые аргументы в защиту аутентичности этой речи, см. в: *Ando* (1996). P. 180.

³ См. *Them. Or.* XI.153d. Об Фемистии и Валентиниане Галата, см. также: *Errington* (2022). P. 885-887.

Фемистий и Аркадий

9 августа 378 г. готы разбили войска Валента в битве при Адрианополе. Сам август был убит, а его армия рассеяна. Варвары принялись разорять балканские провинции империи, не встречая почти никакого сопротивления. В это время Грациан с западно-римскими войсками подходил на помощь соправителю, но, получив известия об Адрианопольской катастрофе, стремясь предотвратить прорыв варваров в Италию, отошел в Сирмий (Amm., XXXI.11.6). Император запада не мог позволить себе длительного отсутствия на рейнском лимесе — границы Галлии постоянно беспокоили набеги германских племен¹. В результате Грациан был вынужден назначить восточного соправителя — опытного военачальника, способного справиться с готской угрозой. Его выбор пал на испанца Феодосия — молодого, но уже известного полководца, принадлежавшего к прославленной династии военных². В январе 379 г. Феодосий был провозглашен правителем востока.

Войскам нового августа, так и не удалось одержать решительную победу над готами — в 382 г. империя была вынуждена пойти на компромисс с варварами. Как следствие, легитимность Феодосия не могла строиться на образе полководца-триумфатора. В результате новый режим начал искать опору в «гражданственности» (*civilitas*) государя³, которую на востоке традиционно отождествляли с пайдейей⁴. Для пропаганды этой черты нового царствования Феодосий был вынужден прибегнуть к испытанному средству — в равной степени изысканным и неискренним речам Фемистия⁵. Впрочем, льстивое красноречие софиста едва ли могло убедить восточные элиты в том, что их новый август, выросший в военном лагере латиноязычный испанец, является носителем тради-

¹ См.: Amm. XXXI.10; Soc. V.6; Drinkwater (2007). P. 310-314; но ср. Sivan (1996). P. 205.

² Amm. XXIX.5.14-15; Theod. HE. V.5; Zos. IV.16.6.

³ См. Kelly (2008). P. 147ff.

⁴ Brown (1992). P. 35-70.

⁵ См. Them. Or. XV; особ. 188-189. См. подробнее: Vanderspoel (1995). P. 200-206; Sivan (1996). P. 203-204; Heather, Moncur (2001). P. 212-213; 230-235.

ционной культуры¹. В результате, Феодосию пришлось прибегнуть к уже опробованному его предшественниками методу завоевания симпатий подданных — заявить о подготовке «идеального» наследника.

На момент вступления на престол у императора уже был двухлетний сын Аркадий². На роль его воспитателя был избран все тот же Фемистий. Назначения константинопольского философа на должность формального наставника будущего августа произошло не ранее 24 ноября 380 г. (в этот день состоялся первый визит Феодосия в Новый Рим (Soc. V.6) и не позднее 1 января 383 г., когда Фемистий впервые упомянул о своих занятиях с Аркадием в речи, произнесенной в честь вступление в консульство полководца Сатурнина (Them. Or. XVI). Намечая план занятий с наследником, Фемистий явно использовал старые наработки: он снова обещал вырастить нового Александра Македонского и царя-философа (ibid. 204c). Софист хвалил мальчика за совершенство его речи и сообщал, что вскорости отрок сможет выступать на публике (ibid. 204d). Иными словами, к моменту произнесения речи Фемистия Аркадий уже начал изучать грамматику и готовился приступить к курсу риторики. Свое выступление оратор завершал словами: «Да стану я для него Фениксом и посажу его к себе на колени. Я буду потчевать его не лакомствами и медовыми коврижками, но воспевать славные подвиги людей и добрые деяния царей, в особенности многочисленные свершения его отца» (ibid. 213a-b, пер. М. В.)³. Софист намекал на то, что в рамках курса словесности его юному воспитаннику предстояло углубленное изучение истории.

¹ Исключительно расположенный к Феодосию анонимный автор «Извлечений о жизни и нравах римских императоров» признавал, что Феодосий получил посредственное образование (*Epit. de caes.* XLVIII.11). О происхождении и образовании Феодосия, см. также Mclynn (2005). P. 100-104.

² Аркадий умер в 408 г., дожив до тридцати одного года, следовательно, он родился ок. 377 г.: Jones, Martindale, Morris (1971). P. 99 (Arcadius 5).

³ ...καὶ γενοίμην αὐτῷ Φοῖνιξ ἑγὼ, καθίζων ἐπὶ τοῖς γόνασιν, οὐκ ὄψων κορευνὺς οὐδὲ πεμμάτων, ἀλλ' ἐπάδων κλέα ἀνδρῶν καὶ βασιλέων ἀγαθὰ ἔργα, μάλιστα δὲ οἷα πολλὰ τὰ πατρῶα.

Исторический уклон образовательной программы Аркадия еще более явно проступает в XVIII речи Фемистия, прочитанной летом 383 г.¹ Помимо уже ставших дежурными рассуждений о Фениксе, коленях, а также участии Платона и Аристотеля в образовании наследника, Фемистий говорил о том, что будущий государь должен быть осведомлен «о славных деяниях древних царей, в числе которых Кир Великий, римлянин Нума, прославленный Марк и благородный Тит, которому принадлежит великолепное и блистательное изречение: “Я не царствовал сегодня, ибо никому не принес пользы”» (Them. Or. XVIII. 224d–225b, пер. М. В.)².

Судя по всему, особое внимание к истории в разработанном для Аркадия учебном плане являлось отражением личных пристрастий его отца, который был известен увлечением древностями римского государства (Them. Or. XVII.215a; *Epit. de caes.* XLVIII.11–13)³. Сам Фемистий, по-видимому, осознавал нетипичность куррикулула Аркадия и оправдывал новую образовательную программу волей императора: «Но, по всей видимости, этот человек (Феодосий) считает, что государю не подобает обучаться так же, как частному лицу, и что одни и те же учения не подходят для того, кто собирается управлять сушей и морем, и для того, кто собирается командовать войском» (Them. Or. XVIII. 224c–d, пер. М. В.)⁴.

¹ О дате создания этой речи, см. Dagron (1968). P. 23–24; Vanderspoel (1995). P. 210.

² ...παλαιῶν κλέα αὐτοκράτορων, οἷς Κῦρος ὁ μέγας ἐτράφη καὶ Νουμᾶς ὁ Ῥωμαῖος καὶ Μάρκος ὁ κλεινὸς καὶ Τίτος ὁ γενναῖος, οὗ τὸ λαμπρὸν καὶ μέγα ἐκεῖνο ῥῆμα, ὅτι τήμερον οὐκ ἐβασίλευσα· οὐδένα γὰρ εὖ ἐποίησα.

³ Ср. Claud. IV cons. Non. 414–438, особ. 414–418; свидетельством интереса Феодосия к исторической науке является его расположение к историку Сексту Аврелию Виктору, который в 389 г. был назначен префектом города Рима (ссылки на источники, см. в: Jones, Martindale, Morris (1971). P. 960 (Victor 13). Примечательно, что префект Италии Вирий Никомас Флавиан посвятил Феодосию, свои «Анналы» (*CIL* VI 1782; 1783) — вероятно, сенатор был хорошо осведомлен об увлечениях своего государя. Об интересе Феодосия к истории, см. Hartke (1962). P. 143–144; Vitiello (2015).

⁴ ...ἀλλ', ὡς ἔοικεν, ὁ ἀνὴρ οὐ τὴν αὐτὴν ἀνήκειν ἡγεῖται παιδείαν βασιλεῖ προσήκειν καὶ ἰδιώτῃ, οὐδὲ ταῦτὰ παιδεύματα ἀρμόττειν τῷ ἄρξοντι γῆς καὶ θαλάσσης καὶ τῷ ταξιαρχήσοντι.

19 января 383 г., спустя всего лишь восемнадцать дней после того, как Фемистий прочитал XVII речь, шести- или семилетний Аркадий был провозглашен августом¹. Изменение статуса Аркадия не замедлило отразиться на положении его воспитателя. В конце 383 – начале 384 г. Феодосий официально назначил Фемистия опекуном своего сына (Them. Or. XVIII.224a–b) и наградил его постом префекта Константинополя (Them. Or. XII; XXXI; XXXIV)². Это назначение привело к громкому скандалу. На протяжении десятилетий, проведенных при дворе, Фемистий выставлял себя вольным философом, чьи суждения не зависели от воли правящего императора. Традиционное для восточноримского общества преклонение перед «любомудрами» в том числе выражалось в признании за ними права на паррессию (παρρησία) — «свободную речь»³, возможности открыто критиковать сильных мира сего, доносить до них мнение общества. В то же время, соглашаясь занять высокий государственный пост Фемистий лишился своей интеллектуальной свободы, которой он всегда так кичился⁴. Реакция общества на это назначение нашла отражение в едкой эпиграмме александрийского грамматика Паллада⁵:

Сидя на троне небесном, ты сделался вдруг одержимым
Креслом серебряным; о, этот безмерен позор!
Выше ты некогда был, а теперь ты сделался низким.
Книзу сюда поднимись: пал ты, поднявшись наверх.

(AP. XI.292, пер. Ю.Ф. Шульца)⁶.

Фемистий попытался было оправдаться. В свою защиту он написал три речи (Them. Or. XVII; XXXI; XXXIV), которые, впро-

¹ Ссылки на источники, см. Jones, Martindale, Morris (1971). P. 99 (Arcadius 5).

² О времени префектуры Фемистия, см. Heather, Moncur (2001). P. 285, n. 1; Errington (2022). P. 894-895, n. 125.

³ См. Brown (1992). P. 62ff.

⁴ Heather, Moncur (2001). P. 286.

⁵ О Палладе, см. Cameron (1965). P. 219-225.

⁶ Ἄντυγος οὐρανίης ὑπερήμενος ἐς πόθον ἦλθεσ // ἄντυγος ἀργυρέης·
αἴσχος ἀπειρέσιον // ἦσθά ποτε κρείσσων, αὐθις δ' ἐγένου πολὺ χείρων. //
δεῦρ' ἀνάβηθι κάτω, νῦν γὰρ ἄνω κατέβης.

чем, уже не смогли спасти его изрядно подпорченную репутацию¹. Судя по всему, этот скандал вынудил Фемистия удалиться в частную жизнь. Ни сохранилось ни одной его речи, написанной после 384 – нач. 385 г.² Последнее упоминание о константинопольском философе содержится в датируемом 388 г. письме Либания (Lib. Ep. F18). Вероятно, Фемистий умер вскоре после того. На закате своей жизни философ едва ли мог утешиться осознанием успеха своей придворно-педагогической деятельности. Воспитать из Аркадия нового Александра и питомца философии, ему явно не удалось — события царствования старшего сына Феодосия ясно свидетельствуют, о том, что в этом вялом и набожном христианском монархе не было ничего ни от знаменитого завоевателя, ни от последователя Аристотеля и Платона³.

Арсений, Аркадий и Гонорий

На момент смерти Фемистия Аркадий был совсем юн и все еще нуждался в наставнике. Кроме того, в сентябре 384 г.⁴ у императора Феодосия родился второй сын — Гонорий, которому тоже необходимо было получить образование. Современники ничего не сообщают о преемнике Фемистия. Вместе с тем, в трудах агиографов и хронистов VI и последующих столетий появляется рассказ о том, что в конце жизни Феодосия I воспитанием его сыновей занимался некий Арсений, по завершению своей педагогической карьеры сделавшийся монахом.

Впервые о нем, как о воспитателе Аркадия и Гонория напрямую упоминается в составленном в середине VI столетия «Житие Евфимия» за авторством Кирилла Скифопольского⁵: «Евфимий со сладостью слушал рассказы... о жизни великого Арсения, который

¹ О полемике Фемистия с его критиками, см. Dagron (1968). P. 49-53; Vanderspoel (1995). P. 214-216; Heather, Moncur (2001). P. 286-295.

² Dagron (1968). P. 24; Heather, Moncur (2001). P. 297; Vanderspoel (1995). P. 215-216.

³ Об ученичестве Аркадия у Фемистия, см. также, Dagron (1968). P. 10-12; Schlange-Schöninggen (1995). P. 54-56.

⁴ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 442 (Honorius 3).

⁵ О дате, составления этого текста и его источников, см. Bumazhnov (2020). P. 75-80, n. 19.

отчески воспитал и образовал царей Аркадия и Гонория, за что и был назван некоторыми святыми отцами их отцом» (Суг. Scyth. V. *Euthym.* ППО33 / S21.34)¹. Косвенные подтверждения того, что Арсений был учителем сыновей Феодосия можно обнаружить и в «*Arophthegmata Patrum*» — сборнике речений египетский монахов, письменная фиксация которого обычно определяется рубежом V–VI вв.². В частности, в нем упоминается о том, что в отличие от большинства пустынных отцов, Арсений не был простолюдином-коптом (*Aroph. Patr. [G]. Arsenius.5*), монах был образован и ведал «эллинскую и римскую науку» (*ibid.* 6), приходился родственником какому-то сенатору (*ib.* 29), некогда жил при дворе (*ib.* 1; 42), и «вмиру был отцом царей», которому служили «тысячи слуг» (*ib.* 36).

Из этих свидетельств наиболее примечательным выглядит повторяющееся упоминание о том, что Арсений считался «отцом царей» (*ibid.* 42; 36). Опираясь на сообщение из собрания апофегм псевдо-Руфина, рассказывавшего, что Арсений «принял августов Аркадия и Гонория из крещенской купели» (*Vit. Pat.* III.37, PL LXXIII, 762d – 763a)³ некоторые исследователи полагали что «отцовство» Арсения носило «духовный» характер⁴. Впрочем, этот сборник был составлен лишь в X в.⁵, а следовательно, содержащиеся в нем уникальные данные заслуживает меньшего внимания, чем известия более ранней коллекции речений пустынников. В то же время, по-видимому, основываясь на свидетельствах позднейших византийских летописцев, сообщавших, что Арсению был

¹ ...διεββαίουντο γὰρ καὶ τοῦτο ὅτι τὰ κατ' αὐτὸν τὸν μέγαν Ἀρσένιον τὸν πατρικῶι τρόπῳ ἀναθρέψαντά τε καὶ παιδαγωγῆσαντα Ἀρκάδιον καὶ Ὀνώριον τοὺς βασιλεῖς καὶ διὰ τοῦτο πατέρα αὐτῶν πρὸ τῶν ἁγίων πατέρων ὀνομασθέντα. Пагинация приведена по изд. Православного Палестинского общества (ППО) и Шварца (S).

² Rubenson (1913). P. 19.

³ Fuit quidam vir in palatio sublimus, sub Theodosio imperatore, nomine Arsenius, cujus filios, id est Arcadium et Honorium Augustus (sic!) de baptismus suscepit.

⁴ Васильевский (1887). С. 362; Афиногенов (2004). С. 55; Regnault (1991); Bumazhnov (2020). P. 75.

⁵ Freire (1973). P. 166–167.

присвоен титул «василеопатра»¹, В.Г. Васильевский полагал, что данные об «отцовстве» следует рассматривать как указание на то, что Арсений имел какой-то официальную должность при дворе. Несмотря на то, что сам исследователь напрямую не говорил этого, очевидно, он считал, что Арсению было присвоено семантически близкое позднешему титулу «василеопатр» звание «патриция». Вместе с тем, в IV в. дарование титула «патриция» было событием исключительным², а значит назначение нового «родителя государя» едва ли могло остаться незамеченным современниками. Думается, что именование Арсения «отцом царей» является еще одним указанием на то, что он был учителем Аркадия и Гонория — в рассматриваемый период учителя традиционно воспринимались как «вторые родители». Литература IV–V вв. знает множество примеров именованя наставников «отцами»³. Таким образом, несмотря на то что «*Aprophthegmata Patrum*» напрямую не называет Арсения воспитателем или наставником императорских детей, данные сборника косвенно подтверждают слова Кирилла Скифопольского⁴.

Связные повествования об Арсени и его роли в воспитании августов появляются в средневизантийскую эпоху⁵. Как было показано В.Г. Васильевским и Д.Е. Афиногеновым все повести об Арсени восходят к двум текстуальным традициям, сохранившимся в разных редакциях «Хроники» Георгия Амартола⁶. Основные элементы этих рассказов схожи: известного своей ученостью и набожностью римлянина Арсения приглашают в Константинополь в качестве воспитателя Аркадия и Гонория; Феодосий просит Арсени обучить своих сыновей Закону Божьему и философии; август

¹ Напр. Sym. Mag. 95.4.

² Ensslin (1934); Barnes (1975). P. 169; Чекалова (2010). С. 106-110.

³ См. *выше*.

⁴ Более того, апофтегмы Арсения демонстрируют его знакомство с трудами Платона (Bumazhnov (2020). P. 78ff), что, само по себе, конечно же, не является доказательством того, что Арсений был преподавателем, но в совокупности с другими свидетельствами добавляет веса этой гипотезе.

⁵ См., напр.: Theod. Stud. *Enc. ad Ars.* 3–4; Sym. Log. *Chron.* 95.4; Zon. XIII.19.92–93; Cedr. I. 573; Theod. Scut. 66.30–67.4.

⁶ Васильевский (1887). С. 357-375; Афиногенов (2004). С. 50.

наказывает ему вести себя с царевичами как с обычными детьми и карать их за проступки; узнав, что во время занятий ученики восседают на тронах, а Арсений стоит, император гневается и, усаживая учителя на престол, приказывает сыновьям заниматься стоя; Аркадий совершает какой-то проступок и Арсений сечет юного августа; затаивший злобу Аркадий требует у одного из своих телохранителей убить своего учителя; «убийца» выдает план Арсению и тот бежит в Египет, где принимает монашеский постриг; Феодосий тщетно ищет учителя своих сыновей; много лет спустя Аркадий узнает, что его бывший наставник обитает в пустыне и направляет ему письмо с просьбой простить ему его прегрешения и принять от него деньги для раздачи нищим; Арсений дарует свое прощение императору, но отказывается от денег, заявляя, что «он уже умер для мира». По сути, два варианта «педагогического романа» об Арсении отличаются лишь несколькими деталями — в версии, восходящей к рукописи Coislin. 305, Арсений предстает богатым сенатором, а в традиции, основанной на данных манускрипта ВHG 167z — бывшим учителем и дьяконом Римской Церкви, который был избран в учителя сыновьям Феодосия папой и неким неназванным по имени западным императором¹.

Историчность этих рассказов, равно как и их ценность для характеристики придворного образования конца IV в. вызывает сомнения. В целом, эти избыточные подробностями сообщения могут быть как плодом фантазии византийских агиографов и хронистов, так и изрядно искаженным отражением некой позднеантичной традиции. В частности, не столь фантастическим, как кажется на первый взгляд выглядит рассказ о том, что в Аркадий готовил покушение на своего учителя — в юности у этого в целом довольно меланхоличного августа случались приступы гнева, во время которых он подчас совершал необдуманные поступки².

Сообщения о том, что Арсений происходил из римского сенаторского рода, также не выглядят невероятными. Более того, они

¹ См. Georg. Mon. XI.49.239г–243б, под ред. В.А. Матвеевко, Л.И. Щеголева; Афиногенов (2004). С. 56–49.

² К примеру, по данным комита Марцеллина, когда его отец Феодосий пребывал в Италии, Аркадий прогнал из дворца свою мачеху Галлу (Marc. Com. Chron. AD 390).

способны пролить свет на некоторые особенности внутренней политики императора Феодосия. Как уже отмечалось выше римские августы стремились подыскивать наставников своим сыновьям из числа представителей элитарных групп, в поддержке которых они на тот момент были заинтересованы. В конце 380-х гг. восточный август, стремившийся укрепить свою личную власть над италийскими и африканскими провинциями, формально находившимися в подчинении Валентиниана II, «заигрывал» со староримской аристократией¹. Возможно, назначение Арсения на пост воспитателем сыновей императора также являлось частью этого курса.

Так или иначе, несмотря на то, что принадлежность Арсения к знати Вечного города спорна, сам факт участия будущего анахорета в обучении Аркадия и Гонория несомненно подтверждается источниками IV–V вв. Вероятно, Арсений начал обучать сыновей Феодосия после того, как Фемистий отправился на покой. Учитывая его дальнейшую «карьеру», можно предположить, что в разработанном им куррикулуме большое внимание уделялось «духовному» воспитанию учеников².

¹ Одной из первых акций Феодосия после победы над войсками Максима стало объявление амнистии представителям сенаторской знати, поддерживавшей узурпатора (Soc. V, 14). Чтобы выразить свое почтение к сенату и управляемому им Вечному городу осенью 389 г. Феодосий посетил Рим, что стало первым императорским визитом в древнюю столицу с 357 г. (Soc. V.14; *Pan. Lat.* II.47). В 389 г. сенатор-язычник Цейноний Руфий Альбин был назначен префектом Рима (Jones, Martindale, Morris (1971). P. 37-38 (Albinus 15). В том же году один из лидеров языческой «партии» — Вирий Никомах Флавиан (Jones, Martindale, Morris (1971). P. 347-349 (Flavianus 15), вступил в должность квестора священного дворца, став первым представителем староримской аристократии, получившим придворный пост с конца III в. В 390 г. он был назначен префектом претория Италии и Иллирии. Еще один влиятельный сенатор-язычник Квинт Аврелий Симмах был избран консулом 391 г. (Jones, Martindale, Morris (1971). P. 865-870 (Symmachus 4). О попытках Феодосия I опереться на сенат, см.: Mclynn (1994). P. 310-311.; Ведешкин (2018). С. 134-135.

² Об ученичестве Аркадия и Гонория у Арсения, см. также труд Г. Шланге-Шенингена, который, впрочем, опирается исключительно на поздние и урезанные свидетельства Зонары и Кедрина (Schlange-Schöninghen (1995). P. 56-57.

Наставники и учителя Феодосия II

Император Аркадий умер в 408 г., вскоре после того, как его сыну и наследнику Феодосию II исполнилось 7 лет¹. Согласно данным Иоанна Малалы, еще перед смертью отец назначил его воспитателем евнуха Антиоха, служившего на посту императорского кубулярия (Malal. XIV.16.361). Историю о том, как Антиох стал наставником юного императора, сообщают позднейшие византийские летописи. Ученый монах Феофан Сигрианский рассказывал, что Аркадий, чувствуя приближение смерти и опасаясь того, что его малолетний сын не сможет удержать престол, якобы обратился к шахиншаху Ездигерду с просьбой стать опекуном его сына. Персидский владыка паче чаяния согласился и прислал в Константинополь христианина Антиоха, которому было поручено воспитывать и обучать Феодосия от имени Ездигерда (Theoph. Chron. AM 5900)². Это, казалось бы, маловероятная история подтверждается рассказом обычно хорошо осведомленного Прокопия Кесарийского, не упоминавшего об Антиохе, однако подтверждавшего, что персидский владыка согласился оберегать трон юного наследника Аркадия (Procop. BP. I.2)³. Намек на то, что Антиох был персидским вельможей содержится и в одном из писем его современника Синезия Киренского, который сообщал, что до своего прибытия к константинопольскому двору Антиох был в большой чести у некоего Нарсеса (Syn. Ep. G110 / C40). Этот Нарсес скорее всего отождествляется с Михр-Нарсе — одним из влиятельнейших сановников сасанидского двора первой половины V столетия⁴.

¹ О дате смерти Аркадия и дате рождения Феодосия II, соответственно, см. в: Jones, Martindale, Morris (1971). P. 99 (Arcadius 5); Martindale (1980). P. 1100 (Theodosius 6).

² Ср., напр.: Cedr. I.586; Zon. XIII.22; Niceph. XIV.1.

³ Ср. сообщение Агафия Миринейского, который, впрочем, сомневался в достоверности рассказа Прокопия (Agath. IV.26). Большинство современных исследователей склонны воспринимать сообщение об опекунстве Ездигерда над Феодосием как исторический факт. См. Cameron (1969). P. 149, с библиографией; Holum (1982). P. 82-83, примеч.18-19, с библиографией; Canera (2009). P. 126.

⁴ См. Martindale (1980). P. 772-773 (Narses 1); Daryaei (2012), но см.: Greatrex, Bardill (1996). P. 176.

Таким образом, новый наставник императора был персидским вельможей¹.

Целый ряд современников свидетельствовали о том, что в конце царствования Аркадия и первые годы правления Феодосия евнух пользовался исключительным влиянием². Еще при Аркадии Антиох был официально назначен воспитателем государя (βαῖτολος)³, а после его смерти получил должность препозита Священной опочивальни, то есть главы всех дворцовых ведомств, а также сан патриция⁴. Позднейшие византийские летописцы именовали Антиоха образованнейшим мужем (Theoph. Chron. AM 5900; Cedr. I.586; Zon. XIII.22). Впрочем, представляется сомнительным, что ученый перс лично преподавал императору грамматику и риторику⁵. Даже в том случае, если он обладал достаточными знаниями для толкования Гомера и Гесиода, организация дворцовых служб едва ли оставляла у него время на занятия. Впрочем, Антиох не был единственным учителем юного августа.

В письме к своему другу киренскому аристократу Анастасию Синезий поздравлял его с тем, что «что “золотые дети”, как назвал их царь, стали по закону твоими детьми»⁶ и радовался их «доброй судьбе» (Syn. Ep. F22 / G22 / C97). Как уже было упомянуто выше обращение к ученикам, как к своим «детям» было весьма распространено в позднеримском обществе⁷. Иными словами, скорее всего незадолго до отправки этого письма товарищ Синезия был

¹ Подробнее о происхождении Антиоха и его поступлении на римскую службу, см. Greatrex, Bardill (1996). P. 171-180.

² См., напр.: John. Chrys Ep. 176 / 186; Syn. Ep. F110 / G47 / C40; Isid. Pel. Ep. I.36.

³ Сообщения о даровании этого титула Антиоху обнаруживаются только у средне- и поздневизантийских авторов. См. Laurent (1953). P. 200. Можно предположить, что евнух носил семантически близкий латинский титул «praesertor».

⁴ О карьере Антиоха, см. Martindale (1980). P. 101-102 (Antiochus 5); Greatrex, Bardill (1996).

⁵ Как, например, считает Шланге-Шенинген. См. Schlange-Schöningen (1995). P. 58-59.

⁶ ...χρυσᾶ παιδία τῆ τοῦ βασιλέως φωνῆ νόμῳ σοι παιδία γενόμενα.

⁷ См. выше.

назначен на пост наставника Феодосия и его сестер. К сожалению, данные источников ничего не сообщают о том, какую дисциплину преподавал Анастасий. Вероятнее всего он был грамматиком или софистом¹. Другие письма Синезия косвенно указывают на обстоятельства, которые помогли Анастасию заполучить столь высокий пост. Судя по данным одного из посланий киренского аристократа, его друг был вхож в «Панэллинион» (*Syn. Ep.* F26 / G26 / C95) — литературно-философский кружок, сформировавшийся вокруг знаменитого константинопольского софиста и философа Троила². Он, в свою очередь, являлся доверенным лицом и советником префекта Анфимия³, фактически управлявшего Восточной империей в период малолетства Феодосия II⁴. Скорее всего, именно Троил и Анфимий были ответственны за назначение Анастасия на пост учителя царственных детей. Иными словами, скорее всего Анастасий являлся креатурой правящей «партии», стремившейся умерить влияние Антиоха на юного государя. Судя по тому, что ни о каких конфликтах Анфимия и Антиоха источники не сообщают, скорее всего евнух был вынужден принять это вмешательство в воспитание императора, формально являвшееся его «епархией». Анастасий стал влиятельным придворным — Синезий несколько раз обращался к нему с разнообразными просьбами и ходатайствами (*Syn. Ep.* F26 / G26 / C95; F43 / G40 / C51; F79 / G79 / C15).

В 414 г. правительство Анфимия было свержено придворной партией, сделавшей своим знаменем старшую сестру императора Пульхерию. Она была провозглашена августой и официально объявлена соправительницей своего младшего брата⁵. Вскоре Антиох

¹ О нем, см.: Martindale (1980). P. 77-78 (Anastasius 2); Janiszewski, Stebnicka, Szabat (2014). P. 26-27 (37. Anastasios).

² О Троиле, см. Martindale (1980). P. 1128 (Troilus 1); Dagron (1984). P. 214-217; Cameron, Long, Sherry (1993). P. 71-84; Janiszewski, Stebnicka, Szabat (2014). P. 370 (1060. Troilos). О «Панэллинионе», см. Cameron, Long, Sherry (1993). P. 72-84; Мирошниченко (2021). С. 244-262.

³ См. Soc. VII.1; *Syn. Ep.* F73 / G73 / C7; F79 / G79 / C15; F118 / G118 / C52.

⁴ Козлов (1982). С. 12-14; Holum (1982). P. 84-91.

⁵ *Soz.* IX.1. О «перевороте» Пульхерии, см. Holum (1982). P. 94ff.

также лишился власти (Malal. XIV.16.361; Theoph. Chron. 5905; Suda A 2694, ed. Adler I, p. 240; Suda E 360, ed. Adler II, p. 460; Suda Y 169, ed. Adler IV, p. 646; Suda Π 793, ed. Adler IV, p. 68)¹. Можно предположить, что, взяв бразды правления в свои руки, Пульхерия заменила учителей, назначенных прежними опекунами своего брата. Согласно Созомену юная августа пристально следила за воспитанием Феодосия и «старалась дать ему образование, сколько можно приличнейшее царю, и питала его душу свойственными его возрасту науками. Люди сведущие учили его ездить на коне, владеть оружием и сообщали ему познания в науках»². Сама Пульхерия наставляла брата в тонкостях придворного этикета (Soz. IX.1).

Возможно, сохранился один из «учебников», призванных посвятить молодого августа в тонкости системы государственного управления его державы. Сравнительно недавно, развивая гипотезу К. Цукермана, Д. Траина предположил, что «Notitia Dignitatum» — знаменитая «табель о рангах» Римской империи конца IV – начала V вв. — была изготовлена с целью предоставить юному Феодосию II наглядный справочник по ведомствам и чинам царства, которым ему предстояло править³.

Усилия воспитателей августа не прошли даром. Феодосий II вошел в историю как один из наиболее эрудированных правителей своей эпохи. Об образованности императора сообщал уже его современник Созомен. Обращаясь к Феодосию во вступлении к своему историческому труду, он заявлял: «...от большой учености ты, как я слышал, познал и природу камней, и силу корней, и действие

Альтернативную точку зрения на приход сестры императора к власти, см. Cameron, Long, Sherry (1993). P. 400-403.

¹ Holum (1982). P. 94. По данным Иоанна Зонары Антиох потерял свой пост ок. 421 г. (Zon. XIII.22). Ср. Martindale (1980). P. 101–102 (Antiochus 5). Впрочем, Дж. Гретре и Дж. Бардилл высказывали аргументы в пользу того, что Антиох сохранил свой пост до конца 430-х гг. См. Greatrex, Bardill (1996). P. 180ff.

² καὶ ἐπεμελεῖτο ὡς ἂν μάλιστα βασιλικῶς ἀναχθεῖν τοῖς καθ' ἡλικίαν παιδευόμενος μαθήμασιν. ἀλλ' ἱπρικὴν μὲν καὶ τὴν ἐν τοῖς ὄπλοις καὶ τοῖς λόγῳις ἄσκησιν παρὰ τῶν ἐπιστημόνων ἐξεδίδάσκετο.

³ Zuckerman (1999). P. 147, n. 79; Giusto (2013). P. 161-162.

лекарств...» (Soz. Pr. 1)¹. Едва ли это была простая лесть. Сведения о широте интеллектуальных интересов августа подтверждаются данными Иоанна Зонары, скорее всего передававшего информацию некоего несохранившегося позднеантичного автора. Хронист рассказывал, что август был «не чужд пайдеие, весьма сведущ в книгах математиков и даже в астрономии... искусен в каллиграфии² и ваянии» (Zon. XIII.23, пер. Л. Александрова)³. О широте естественно-научных и литературных интересов императора свидетельствует и ссылка на труды Гиппократов и аллюзия на Вергилия в одной из его новелл (*NTh.* III.10)⁴. Сам император покровительствовал наукам и искусствам, по его распоряжению в Константинополе открылся знаменитый «университет» — Аудиториум, весьма способствовавший утверждению новой столицы в качестве одного из крупнейших интеллектуальных центров империи⁵.

При этом император, сначала находившийся под влиянием евнуха Антиоха, а затем своей властной сестры, вырос самостоятельным и внушаемым правителем, которым по собственному произволению вертели его родственницы и придворные скопцы. Живший в начале VII в. антиохийский хронист Иоанн, передававший известия современника Феодосия Приска Панийского, сообщал, что «все, что бы он ни делал, совершалось под влиянием евнухов... Они довели дела до такого нелепого состояния, что, говоря коротко, отвлекали Феодосия, как детей отвлекают игрушками,

¹ ...ὕπὸ γοῦν πολυμαθείας, ὡς εἰκόσ, ἀκούω σε καὶ λίθων εἰδέναί φύσεις καὶ δυνάμεις ῥιζῶν καὶ ἐνεργείας ἰαμάτων.

² Увлечение императора каллиграфией отразилось в прозвище, под которым тот вошел в историю — позднейшие византийские хронисты именовали его «Феодосием Каллиграфом». См. подр.: Ведешкин (2022а). С. 278-280.

³ ...ἦν δὲ λογικῆς παιδείας οὐκ ἀνομίλητος, ἀλλὰ καὶ τῶν ἄλλων μετεσχηκῶς μαθηματικῶν βιβλίων καὶ τῆς ἀστρονομίας αὐτῆς ἀπεγεύσατο... πρὸς τὴν γραφικὴν δὲ καὶ τὴν πλαστικὴν δεξιῶς εἶχεν. Ср. Sym. Log. Chron. 97. 2.

⁴ Довольно прозрачную аллюзию на литературные штудии августа, см. также в ILS 802. См. подробнее Александрова (2018). С. 55-58.

⁵ Об этом учебном заведении, см. Lemerle (1986). P. 66-68; Александрова (2019).

и не позволили ему совершить ничего достойного упоминания, (хотя у него и был добрый характер). Даже когда он достиг пятидесяти лет, они убеждали его продолжать предаваться некоторым низменным занятиям и охоте на диких зверей, так чтобы они... распоряжались царской властью» (John. Ant. Mū194 / R288 / M220 = Prisc. Fr. 30, ed. Blockley = Suda. Θ 145, ed. Adler, II, p. 694-695)¹.

Петроний Максим и Валентиниан III

Вплоть до недавнего времени о воспитателях Валентиниана III, вступившего на престол Западной империи в шестилетнем возрасте в 425 г., не было никаких данных. Однако, в статье, опубликованной в 1996 г., С. Панчера убедительно показал, что описание *cursus honorum* некоего анонимного наставника (*praeseptor*) августа, упомянутого на частично сохранившейся надписи из коллекции лапидария Римского форума, соотносится с карьерой лишь одного известного политического деятеля первой половины – середины V в. — сенатора Петрония Максима².

По мере ослабления власти правительства западной империи над Галлией, Африкой и Испанией равеннский двор попадал во все большую зависимость от италийской и, прежде всего, римской знати³. Неудивительно, что в наставники юному Валентиниану III был избран видный представитель столичной аристократии. Петроний Максим был наследником двух богатейших и влиятельнейших сенаторских династий Петрониев и Анициев⁴. Несмотря

¹ Ὑπὸ γὰρ τοῖς εὐνοῦχοις τραφεῖς πρὸς πᾶν σφίσιν ἐπίταγμα... Ἐς τοῦτο τὰ πράγματα οἱ εὐνοῦχοι ἀτοπίας παρεσκεύασαν, ἀποβουκολοῦντες τὸν Θεοδοσίον, ὥσπερ τοὺς παῖδας ἀθύρμασιν· οὐδὲν ὁ τι καὶ ἄξιον μνήμης διαπράξασθαι παρεσκεύασαν· ἀλλ' εἰς ν' ἐτῶν ἡλικίαν ἐληλυθὼς διετελέεσε βαναύσους τέ τινας μετῶν τέχνας καὶ θήρα προσκαρτερῶν· ὥστε τοὺς εὐνοῦχους... ἔχειν τὸ τῆς βασιλείας κράτος...

² В настоящей работе используется материал этой статьи, опубликованной в сборнике трудов автора: Panciera (1996).

³ Humphries (2012); Salzman (2021). P. 138ff.

⁴ Согласно реконструкции Дж. Ф. Дринквотера и Х. Элтона Петроний Максим был сыном Аниция Пробина (Drinkwater, Elton [2002]. P. 119-120). Если это так, то только по мужской линии Петроний Максим был консулом в шестом поколении. См. Jones, Martindale, Morris (1971).

на свою относительную молодость, к моменту вступления на престол Валентиниана, Петроний уже побывал на придворных постах трибуна и нотария (ок. 415 г.), комита священных щедрот (418 г.) и даже отправлял должность префекта Рима (ок. 420 г.). Иными словами, этот баснословно богатый и высокообразованный¹, обладавший обширными связями среди столичной аристократии и при дворе член высшей христианской знати Вечного города был отличным кандидатом в официальные наставники августа. Едва ли аристократ лично занимался обучением императора премудростям грамматики и риторики. Скорее всего пост *praceptor* имел исключительно символическое значение, свидетельствующее об особой близости Максима к государю². Впрочем, нельзя отрицать вероятность того, что Петроний Максим был ответственен за подбор учителей для своего юного воспитанника. После вступления в должность официального воспитателя молодого императора и без того исключительно успешная карьера Петрония Максима резко пошла в гору: в последующие десятилетия он два раза занимал пост префекта претория и дважды становился консулом, а в 445 г. был почтен званием патриция³.

История взаимоотношений Петрония Максима и его воспитанника закончилась трагически. Согласно рассказам Прокопия Кесарийского и Иоанна Антиохийского Валентиниан хитростью заманил жену Максима во дворец и изнасиловал ее⁴. Максим затаил злобу на императора (*quelle surprise!*) и замыслил погубить его. Воспользовавшись своим влиянием при дворе, он убедил Валентиниана казнить его главного полководца — могущественного

Р. 1144. О родственных связях Петрония Максима, см. Chastagnol (1962). Р. 282; Chausson (2008); Grossi (2018). Р. 58-60.

¹ См. Sid. Apoll. Ep. II.13.4.

² McEvoy (2013). Р. 243, п. 60.

³ О карьере Петрония Максима, см. Jones, Martindale, Morris (1971). Р. 749-751.

⁴ Несмотря на явно анекдотичный характер этого сообщения, нельзя исключать, что в нем есть зерно правды — о сексуальной распущенности и даже девиантности Валентиниана III упоминается в нескольких источниках. См. Procop. *BV*. I.3.9–10; Zon. XIII.25; Cedr. I.19–21.

магистра армий Аэция, а затем натравил телохранителей убитого военачальника на самого императора. Последний мужчина-представитель династии Валентиниана-Феодосия был зарезан 16 марта 455 г. После смерти своего бывшего воспитанника Максим захватил престол. Его царствование продлилось немногим более двух месяцев — в конце мая 455 г. к Риму подступили вандалы Гейзериха. Император попытался было бежать, но был растерзан толпой (Procop. *BV*. I.4–5)¹.

Соученики наследников престола

Император Юлиан с горечью вспоминал, что во время своего взросления находясь в ссылке в каппадокийском Макеллуме, он с братом «проводили жизнь будучи лишены всякой серьезной науки, всякого свободного общения; мы воспитывались в прекрасных жилищах своими собственными рабами, как совместно занимаютcя с друзьями... Ни один ровесник не подходил к нам, ни одному это не дозволялось» (Jul. *Ep. ad Ath.* 271c–d)². В отличие от императора Констанция II, стремившегося изолировать своих двоюродных братьев (и потенциальных конкурентов в борьбе за престол) от общества, августы конца IV – начала V в. охотно позволяли своим детям и племянникам обучаться в компании сверстников.

Георгий Амартол рассказывал, что Феодосий I не желал того, чтобы его сыновья обучались вместе с другими мальчиками, «чтобы они не научились от других детей тому, чего Бог не желает, и не привыкли к словам бесполезным и вредным» (Georg. *Mon.* XI.49.239г, пер. В.А. Матвеевко, Л.И. Щеголева). Это позднее и очевидно легендарное известие полностью опровергается свидетельствами авторов IV–V вв. В одном из писем Иеронима сообщается, что соучеником Аркадия и Гонория был их двоюродный брат и близкий друг Небридий II (Jerom. *Ep.* 79.5 / 74) — сын неизвест-

¹ Cp. John. *Ant. Fr.* Mü200–201 / R293 / M224 = Prisc. *Fr.* 30, ed. Blockley; Greg. *Tour. HE.* II.8. Об этих событиях, см. Henning (1999). P. 16–27; Oppedisano (2013). P. 45–70; Salzman (2021). P. 152–154.

² ...διεζῶμεν ἀποκεκλεισμένοι παντὸς μὲν μαθήματος σπουδαίου, πάσης δὲ ἐλευθέρως ἐντεύξεως, ἐν ταῖς λαμπραῖς οἰκετείαις τρεφόμενοι καὶ τοῖς ἡμῶν αὐτῶν δούλοις ὡσπερ ἐταίροις συγγυμναζόμενοι; προσήει γὰρ οὐθὲς οὐδὲ ἐπετρέτετο τῶν ἡλικιωτῶν.

ной по имени сестры императрицы Элии Флациллы и префекта Небридия¹. Мать Небридия II умерла до 386 г.², а его отец скончался ок. 386–387 гг.³. Иероним писал, что мальчик был взят на воспитание во дворец (*nutritus in palatio* — Jerom. *Ep.* 79.5 / 74) и рос «на коленях» своей царственной тетки (*in materterae nutritus sinu* — *ibid.* 79.2 / 74). Исходя из того, что Флацилла умерла в 386 г.⁴, следует, что Небридий был приглашен ко двору еще до смерти его отца. Судя по всему, на тот момент Небридий был еще совсем ребенком⁵. Впоследствии подростку племяннику императора была дарована какая-то высокая придворная должность (*ibid.* 79.2–5 / 74). Он был обласкан августом и пользовался большим влиянием при дворе (*idid.*). Небридию II пришлось сыграть роль в политической игре его дяди — ок. 388 г.⁶ племянника императора женили на Сальвине — дочери правителя союза мавританских племен и командовавшего римскими войсками в Африке Гильдона. По-видимому, этот союз служил гарантом того, что североафриканские провинции, формально подчинявшиеся западному августу Валентиниану II, будут верны Феодосию⁷.

Краткие сведения о соучениках Аркадия и Гонория содержатся и в «Новой истории» Зосимы, упоминавшего, что вместе с ними воспитывались сыновья магистра конницы и консула 391 г. Промота (Zos. V.3.2). Промот был одним из наиболее деятельных полковод-

¹ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 620 (Nebridius 3).

² Примерно в 386 г. время Небридий Старший вторично женился на Олимпиаде Константинопольской. Подробнее, см. Vedeshkin (2022). P. 407-408.

³ По данным «Лавсаика» Небридий Старший умер спустя всего лишь несколько дней после свадьбы с Олимпиадой (Pall. *Laus.* 56); по мнению анонимного автора «Жития Олимпиады» — их брак продлился менее года (V. *Olymp.* 2); а согласно «Диалогу» Палладия Еленопольского — двадцать месяцев (Pall. *Dial.* XVII).

⁴ Jones, Martindale, Morris (1971). P. 342 (Flacilla).

⁵ В письме, написанном Иеронимом его недавно овдовевшей вдове Сальвине прилб. в 400 г., несколько раз упоминается о том, что Небридий II умер совсем молодым (Jer. *Ep.* 79 *pass.*).

⁶ Oost (1962).

⁷ О политическом значении этого брака, см.: Blackhurst (2004). P. 68-70.

цев Феодосия. Он получил известность благодаря своим громким победам над готами. Военачальник враждовал с магистром официй Руфином. Противостояние полководца и чиновника закончилось поражением Промота — он был выслан из столицы и вскоре погиб. По слухам за его убийством стоял его недруг Руфин (Zos. IV.51; Claud. *De cons. Stil. I.* 94–96; 102–103; *In Ruf.* I.316–317)¹.

Причины, побудившие Феодосия пригласить сыновей Промота обучаться вместе с наследниками престола, не ясны. Если это произошло еще до смерти их отца, то действия императора можно объяснить его желанием обеспечить лояльность влиятельного (а следовательно, и потенциально опасного) полководца. С другой стороны, если сыновья Промота были приняты ко двору уже после его гибели, то действия августа могут свидетельствовать о его стремлении позаботиться о детях военачальника, отдавшего жизнь за империю². Так или иначе, близость сыновей Промота к августу Аркадию сделало их влиятельными фигурами в константинопольской политике. Согласно рассказу Зосима, именно они помешали Руфину выдать свою наследницу за молодого императора. Вместе с препозитом Евтропием сыновья Промота организовали бракосочетание Аркадия с жившей в их доме наследницей военачальника Баутона — Евдоксией (Zos. V.3)³. Женитьба Аркадия на воспитаннице сыновей Промота заметно ослабила положение Руфина и в итоге привела к падению режима всесильного временщика⁴. О дальнейшей судьбе наследников полководца источники молчат.

Несколько больше известно о соучениках августа Феодосия II, упоминающихся у ряда авторов, опиравшихся на исторический труд Евстафия Епифанейского (Malal. XIV.3.352; 4.355; *Chron. Pasch.* 420; 421; John. Ant. Fr. Mü192 / M218 / R286; John. Nik. LXXXVII.1)⁵. Малала, автор «Пасхальной хроники» и Иоанн Ни-

¹ О Промоте, см.: Jones, Martindale, Morris (1971). P. 750-751 (Promotus). См. также: Cameron (1970). P. 71-72.

² Schlange-Schöningh (1995). P. 58.

³ Ср. John. Ant. Fr. Mü190 / R282 / M215. Нумерация отрывков хроники Иоанна Антиохийского приведена по изд. Мюллера (Mü), Роберто (R) и Мариева (M).

⁴ Holm (1982). P. 52-53; Liebeschuetz (1990). P. 24; 92.

⁵ См. Treadgold (1907).

киусский рассказывают о том, что после смерти императора Аркадия соучеником (и ближайшим другом) юного августа Феодосия II сделался сын комита домашних Павлин. Иоанн Антиохийский добавляет, что вместе с ними учился некий Плацит. Оба императорских однокашника сделали блестящую карьеру (John. Ant. Fr. Mii192 / M218 / R286). Около 430 г. Павлин был назначен магистром оффиций. Впрочем, уже в начале 440-х гг., он впал в немилость и был казнен. Молва объясняла смерть друга августа его адюльтером с императрицей Афинаидой-Евдокией¹. По всей видимости, второй соученик Феодосия Плацит также служил по дворцовому ведомству. В актах Халкидонского собора он назван магистром оффиций (*АСОес.* II.i.ii, p. 138).

Заключение

Подводя итоги анализу биографий придворных учителей представителей династии Валентиниана-Феодосия, можно сделать следующие выводы. Во-первых, по сравнению с предшествующей эпохой статус наставников принцев заметно вырос. Воспитатели римских государей I–III вв. обычно были людьми невысокого звания, не занимали никаких видных постов и либо вовсе не участвовали в государственных делах, либо оказывали на них сравнительно незначительное влияние². В IV–V вв. наблюдается полностью противоположная картина — учителя принцев получают высочайшие чины, и становятся чрезвычайно могущественными людьми (особенно показательны головокружительные карьеры Авзония и Петрония Максима). Думается, что этот феномен был в значительной степени связан с двумя процессами: упадком института цезарата и окончательном закреплении представлений о божественном характере власти августов³. Начиная с Валентиниана I распространяется практика назначения малолетних на-

¹ Ссылки на источники, см. в Martindale (1980). P. 846-847 (Paulinus 8). О причинах казни Павлина, см. Holum (1982). P. 112-131; Cameron (2015). P. 59-63. Анализ связанной с этими событиями «легенды о яблоке», см. в: Braccini (2018); Scott (2012).

² Примечательными исключениями, конечно же, являются Сенека и Фронтон. См. Panciera (1996). P. 1158-1159.

³ См. Kelly (2008). P. 142ff.

следников престола августами, минуя титул цезаря. Так, Грациан стал августом в восемь лет, Валентиниан II — в четыре года, Аркадий — в пять лет, Гонорий — в восемь лет, Феодосий II — в год, Валентиниан III — в шесть лет. Представление о недостижимом величии августов утверждалось за счет сакрализации всего, хоть как-то связанного с ними. В Кодексе Феодосия изданные от имени государя указы, административные органы, суд, дворец, его платье и даже конюшни назывались «священными». Отблеск этого величия естественным образом падал и на людей из окружения государя — их статус должен соответствовать их близости к «божественному». В результате, воспитатель, как один из наиболее близких к императору людей, превращается в исключительно важную фигуру. Отсюда наречения учителей государей пышными титулами, дарование им видных административных постов. Постепенно сам пост наставника принцепса, ранее не имевший никакого юридического оформления институционализируется, и к началу V в. превращается в официальный (и весьма почетный) придворный титул «praeseptor» или «βαῖουλος».

Сакрализация императорской власти вкупе с закреплением принципа династизма способствовала тому, что на протяжении всего IV–V вв. фактическими правителями государства подчас становились дети или подростки. К примеру, Валентиниан I умер, когда Грациану было всего лишь шестнадцать, Феодосий I скончался, когда его наследникам Аркадию и Гонорию, было семнадцать и десять лет соответственно, сам Аркадий отошел в лучший мир, когда Феодосию II едва исполнилось семь, а Валентиниан III был посажен на престол Западной империи в шестилетнем возрасте. Августы, становившиеся носителями неограниченной власти в столь юных годах, конечно не могли быть самостоятельны в своих действиях и в той или иной степени зависели от своего непосредственного окружения, в том числе и от наставника. В случае, если август доверял и ценил своего воспитателя, то он мог приобрести почти неограниченную власть (как это было в случае с Грацианом и Авзонием).

В принципах отбора претендентов на пост императорского наставника прослеживается четкая система — императоры-отцы подыскивали своим сыновьям учителей из представителей групп знати, в поддержке которых они на тот момент были в наибольшей

степени заинтересованы. Назначение воспитателем наследника выходца из определенной прослойки элиты служило зарокотом того, что, по вступлению на престол новый государь будет разделять ее социально-политические и культурные идеалы, уделять особое внимание ее нуждам.

Что касается куррикулума наследников престола, то он, по-видимому, не слишком отличался от стандартной образовательной программы, принятой на вооружение сотнями грамматических и риторических школ. Некоторые отступления от общепринятых учебных планов могли быть продиктованы личными пристрастиями заказчика, то есть государя-отца (как в случае с любимшим историю Феодосием I) или же самого педагога (как например Фемистий, упорно добивавшийся славы нового Аристотеля, воспитателя царя-философа, нового Александра).

Как видно, в конце IV – начале V в. в Константинополе сформировалось нечто вроде придворной школы, в которой вместе с наследниками престола учились их родственники соответствующего возраста, а равно и дети высокопоставленных чиновников и полководцев. По-видимому, привлечение к обучению будущих государей их ровесников, должно было привнести в учебный процесс соревновательный элемент. Кроме того, принятие детей видных государственных и военных деятелей ко двору могло гарантировать лояльность их отцов, а в будущем обеспечить наследников престола верными друзьями и сподвижниками — после окончания обучения однокашники римских августов могли рассчитывать на высокие придворные посты (см. Илл. 1–4).

Илл. 1.
Император Грациан. IV в.
Глиптотека, Мюнхен¹.

¹ Источник: [https://en.wikipedia.org/wiki/Gratian#/media/File:Bust_of_Gratian_\(loan_from_Rheinisches_Landesmuseum_Trier\)_- Glyptothek - Munich - Germany_2017.jpg](https://en.wikipedia.org/wiki/Gratian#/media/File:Bust_of_Gratian_(loan_from_Rheinisches_Landesmuseum_Trier)_-_Glyptothek_-_Munich_-_Germany_2017.jpg) (март, 2023). Wikimedia Commons.

Илл. 2.
Император Аркадий. Конец IV в.
Турция. Археологический музей Стамбула¹.

¹ Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/...:Arcadius_Istanbul_Museum.PNG (март, 2023). Wikimedia Commons.

Илл. 3.
Император Феодосий II. Первая половина V в.
Лувр, Париж¹.

¹ Источник: https://en.wikipedia.org/wiki/Theodosius_II#/media/File:Theodosius_II_Louvre_Ma1036.jpg (март, 2023). Wikimedia Commons.

Илл. 4.
Император Валентиниан III. Середина V в. (Лувр, Париж)¹.

Материал поступил в редакцию 10.03.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 26.03.2023

¹ Источник: [https://en.wikipedia.org/wiki/Valentinian_III#/media/File:Bust_of_Valentinian_III,Louvre\(cropped\).jpg](https://en.wikipedia.org/wiki/Valentinian_III#/media/File:Bust_of_Valentinian_III,Louvre(cropped).jpg) (март, 2023). Wikimedia Commons.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Alföldi, A.A (1979) *Conflict of Ideas in the Late Roman Empire: The Clash Between the Senate and Valentinian I*. Westport, Conn: Praeger.
- Ando, C. (1996) "Pagan Apologetics and Christian Intolerance in the Ages of Themistius and Augustine," *Journal of Early Christian Studies* 4.2, 171-207.
- Bagnall, R.S.; et al. (1987) *Consuls of the Later Roman Empire*. Atlanta: Oxford University Press.
- Ballériaux, O. (1996) "Eugénios, père de Thémistios et philosophe néoplatonicien," *L'Antiquité Classique*. 65, 135-160.
- Balsdon, J.P.V.D. (1979) *Romans and Aliens*. London: Duckworth,
- Barnes, T.D. (1975) "«Patricii» under Valentinian III," *Phoenix* 29.2, 155-170.
- Barnes, T.D. (1981) *Constantine and Eusebius*. London: Harvard University Press.
- Barnes, T.D. (1982) *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge: Harvard University Press.
- Blackhurst, A. (2004) "The House of Nubel: Rebels or Players?," ed. by A.H. Merrills. *Vandals, Romans and Berbers: New Perspectives on Late Antique North Africa*. Aldershot: Ashgate Publishing, 59-75.
- Boeft, den J. (2017) *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXXI*. Leiden; Boston: Brill.
- Boeft, J. den; et al. (2007) *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXVI*. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Boeft, J. den; et al. (2009) *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXVII*. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Boeft, J. den; et al. (2015) *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXX*. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Booth, A.D. (1978) "Notes on Ausonius' «Professores»," *Phoenix* 32.3, 235-249.
- Booth, A.D. (1982) "The Academic Career of Ausonius," *Phoenix* 36.4, 329-343.
- Born, L.K. (1934) "The Perfect Prince According to the Latin Panegyrists," *Am. J. Philol.* 55.1, 20-35.
- Bouffartigue, J. (1992) *L'Empereur Julien et la culture de son temps*. Paris: Etudes augustiniennes.
- Braccini, T. (2018) "An Apple between Folktales, Rumors, and Novellas: Malalas 14.8 and its Oriental Parallels," *Greek, Roman and Byzantine Studies* 58.2, 299-323.

- Bradbury, S. (1987) "The Date of Julian's Letter to Themistius," *Greek, Roman and Byzantine Studies* 28.2, 235-251.
- Bradbury, S. (2003) *Selected Letters of Libanius: From the Age of Constantius and Julian*. Glasgow: Liverpool University Press.
- Brauch, T. (1993a) "The Prefect of Constantinople for 362 AD: Themistius," *Byzantion* 63, 37-78.
- Brauch, T. (1993b) "Themistius and the Emperor Julian," *Byzantion* 63, 79-115.
- Brauch, T. (2002) "Notes on the Prefects of Constantinople AD 366-369," *Byzantion* 72.1, 42-104.
- Brown, P. (1992) *Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire*. Madison, Wis: University of Wisconsin Press.
- Bumazhnov, D. F. (2020) "Revolution of the Solitaries, Arsenius the Great, and Socrates. An Early Theological Justification of the Radical Monastic Detachment from Society," *Philol. Class.* 15.1, 72-87.
- Cameron, A. (1965) "Notes on Palladas," *The Classical Quarterly* 15. 2, 215-229.
- Cameron, A., Long, J., Sherry L. (1993) *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: Univ. of California Press.
- Cameron, A.M. (1969) "Agathias on the Sassanians," *Dumbarton Oaks Papers* 23/24, 67-183.
- Cameron, Al. (1970) *Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius*. Oxford: Oxford University Press.
- Cameron, Al. (2011) *The Last Pagans of Rome*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Cameron, Al. (2015) *Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Canepa, M.P. (2009) *The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship between Rome and Sasanian Iran*. Berkeley, Calif: University of California Press.
- Chastagnol, (1960) A. *La Préfecture urbaine à Rome sous le Bas-Empire*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Chastagnol, A. (1962) *Les Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire*. Paris: Nouvelles éditions latines Rennes, Impr. réunies.
- Chausson, F. (2007) *Stemmata Aurea: Constantin, Justine, Theodose. Revendications Genealogiques Et Ideologie Imperiale Au IV S. Ap. J.c.* Roma: L'Erma Di Bretschneider.
- Chausson, F. (2008) "Une fête dans la Rome de Justinien," ed. by M.L. Caldelli; G.L. Gregori; S. Orlandi. *Epigrafia (2006. Atti della XIVE*

- Rencontre sur l'épigraphie in onore di Sivio Panciera con iatri contributi di colleghi, allievi e collaboratori (Roma, 18-21 Ottobre (2006)).* Roma: Quasar, 955-974.
- Cribiore, R. (2007) *The School of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton: Princeton University Press,
- Dagron, G. (1968) "L'Empire romain d'Orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'hellénisme: le témoignage de Thémistios," *Travaux et Mémoires* 3, 1-242.
- Dagron, G. (1974) *Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Dagron, G. (1984) *Constantinople imaginaire. Études sur le recueil des «patria»*. Paris: PUF.
- Daly, L.J. (1970) *A Mandarin of Late Antiquity: The Political Life and Thought of Themistius*, ". Chicago: Loyola University.
- Daly, L.J. (1980) "In a Borderland: Themistius' Ambivalence toward Julian," *Byzantinische Zeitschrift* 73.1, 1-11.
- Daly, L.J. (1983) "Themistius' Refusal of a Magistracy," *Byzantion* 53.1, 164-212.
- Daryae, T. (2012) "Mehr-Narseh," *Encycl. Iran. Online Edition*. — <https://iranicaonline.org/articles/mehr-narseh> (10.03.2023).
- Dostálová, R. (2000) "Zu Pseudo-Themistios' Oratio de religionibus (Or. 12)," *Listy filologické / Folia philologica* 123.1/2, 22–30.
- Drinkwater, J.F. (1987) *The Gallic Empire: Separatism and continuity in the North-Western provinces of the Roman Empire A.D. 260-274*. Studgard: Franz Steiner Verlag Wiesbaden.
- Drinkwater, J.F. (2007) *The Alamanni and Rome 213-496 (Caracalla to Clovis)* Oxford; New York: Oxford University Press.
- Drinkwater, J.F.; Elton H. (2002) *Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity? Cambridge*: Cambridge University Press.
- Dzino, D. (2005) "Sabaiarius: Beer, Wine and Ammianus Marcellinus," ed. by W. Mayer, S. Trzcionka. *Feast, Fast or Famine: Food and Drink in Byzantium*. Leiden; Boston, MA: Brill, 57-68.
- Elm, S. (2012) *Sons of Hellenism, Fathers of the Church: Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, and the Vision of Rome*. Berkeley: University of California Press.
- Ensslin, W. (1934) "Die konstantinische Patriziat und seine Bedeutung im 4. Jahrhundert," *Mélanges Bidez Annu. L'Institut Philol. D'histoire Orient. Slaves*. 2, 361-376.

- Errington, R.M. (2022) "Themistius and His Emperors," *Chiron* 30, 861-904.
- Foerster, R. (1900) "Andreas Dudith und die zwölfte Rede des Themistios," *Neue Jahrb. Für Klass. Altert. Gesch. Deutsche Litt. Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum, Geschichte und deutsche Litteratur, und für Pädagogik* 3, 74-93.
- Fortina, M. (1953) *L'imperatore Gratiano*. Torino: Soc. ed. intemaz.
- Frakes, R.M. (2005) "The Dynasty of Constantine Down to 363," ed. by N. Lenski. *The Cambridge Companion to the Age of Constantine Cambridge Companions to the Ancient World*. Cambridge: Cambridge University Press, 91-108.
- Freire, J.G. (1973) "Traductions latines des Apophthegmata patrum," ed. by C. Mohrmann. *Melanges Christine Mohrmann: Nouveau recueil*. Utrecht, Anvers: Spectrum, 164-171.
- Giusto, T. (2013) "Mapping the world under Theodosius II," ed. by C. Kelly. *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity Cambridge Classical Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 155-171.
- Goulding, R. (2000) "Who Wrote the Twelfth Oration of Themistius?," *J. Journal of the Warburg and Courtauld Institutes* 63, 1-23.
- Greatrex, G.; Bardill, J. (1996) "Antiochus the «Praepositus»: A Persian Eunuch at the Court of Theodosius II," *Dumbarton Oaks Papers* 50, 171-197.
- Green, R.P.H. (1978) "Prosopographical Notes on the Family and Friends of Ausonius," *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 25, 19-27.
- Green, R.P.H. (1991) *The Works of Ausonius*. Oxford: New York: Clarendon Press; Oxford University Press.
- Grossi, I. (2018) *I prefetti urbani di Roma tra il 423 ed il 599 d.C.: un'analisi prosopografica. I prefetti urbani dell'età di Valentiniano III (425-455)*. Roma: Università di Roma, La Sapienza.
- Haarhoff, (1920) T. *Schools of Gaul. A Study of Pagan and Christian Education in the Last Century of the Western Empire*. London: Oxford University Press.
- Harries, J. (1988) "The Roman Imperial Quaestor from Constantine to Theodosius II," *Journal of Roman Studies* 78, 148-172.
- Harries, J. (2001) *Law and Empire in Late Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hartke, W. (1962) *Geschichte und Politik im Spätantiken Rom: Untersuchungen über die Scriptores Historiae Augustae*. Leipzig: Scientia Verlag Und Antiquariat.

- Heather, P.; Moncur, D. (2001) "Politics, *Philosophy and Empire in the Fourth Century: Themistius' Select Orations*. Liverpool: Liverpool University Press, (2001).
- Henck, N. "Constantius' Paideia, Intellectual Milieu and Promotion of the Liberal Arts," *The Cambridge Classical Journal* 47, 172-187.
- Henning, D. (1999) *Periclitans res publica: Kaisertum und Eliten in der Krise des Weströmischen Reiches 454/5 – 493 n. Chr.* Stuttgart: Steiner.
- Holum, K. (1982) *Theodosian Emperresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Berkeley: University of California Press.
- Honoré, (1998) T. *Law in the Crisis of Empire, 379–455 AD: the Theodosian Dynasty and Its Quaestors with a Palingenesia of Laws of the Dynasty*. Oxford: Oxford University Press.
- Hopkins, M.K. (1961) "Social Mobility in the Later Roman Empire: The Evidence of Ausonius," *The Classical Quarterly* 11.2, 239-249.
- Humphries, M. (2012) "Valentinian III and the City of Rome (425-55): Patronage, Politics, Power," *Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity*: Oxford University Press, 161-182.
- Janiszewski, P.; Stebnicka; K., Szabat, E. (2014) *Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire*. New York, NY: Oxford University Press.
- Jones, A.H.M.; Martindale, J.R.; Morris, J. (1971) *The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kaster, R.A. (1988) *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkeley: University of California Press.
- Kelly, C. (2008) "Emperors, Government and Bureaucracy," ed. by A. Cameron, P. Garnsey. *The Cambridge Ancient History: The Late Empire, A.D. 337-425*. Cambridge: Cambridge University Press, 138-183.
- Laurent, V. (1953) Ο μέγας βασιυλος. À l'occasion du parakimomène Basile Lékarène," *Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινών Σπουδών XXIII*, 193-205.
- Lemerle, P. (1986) *Byzantine Humanism: the First Phase. Notes and Remarks on Education and Culture in Byzantium from its Origins to the 10th Century*. Leiden; Boston, MA: Brill.
- Lenski, N. (2002) *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley: University of California Press.
- Liebeschuetz, J.H.W.G. (1990) *Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford: Clarendon Press.

- Martindale, J.R. (1980) *The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume II. A.D. 395–527*. Cambridge: University press.
- Matthews, J. (1989) *Roman Empire of Ammianus*. London: Duckworth Publishing.
- Matthews, J. (1990) *Western Aristocracies and Imperial Court, AD 364–425*. New York: Oxford University Press.
- McEvoy, M.A. (2013) *Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455*. Oxford: Oxford University Press.
- McGeachy, J.A. (1942) *Quintus Aurelius Symmachus and the Senatorial Aristocracy of the West*. Chicago: University of Chicago.
- Mclynn, N. (2005) “Genere Hispanus: Theodosius, Spain and Nicene Orthodoxy,” ed. by K. Bowes, M. Kulikowski. *Hispania in Late Antiquity: Current Perspectives*. Leiden: Brill, 77-120.
- Mclynn, N.B. (1994) *Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital*. Berkeley; Los Angeles; New York: University of California Press.
- Milićević-Bradač, M. (1999) “Bromos ou Bromios: Bromo, a ne Bromije (Anth.Pal.9.368),” *Opvscla archaeologica* 23–24.1. 65-76.
- Oost S.I. (1962) *Count Gildo and Theodosius the Great*,” *Classical Philology* 57.1. 27-30.
- Oppedisano, F. (2013) *L'impero D'occidente negli anni di Maioriano*. Roma: L'Erma Di Bretschneider.
- Pancieri, S. (2006) “Petronio Massimo precettore di Valentiniano III”, ed. by S. Panciera. *Epigrafi, epigrafia, epigrafisti. Scritti vari editi e inediti (1956–2005) con note complementari e indici* Roma: Quasar, 1153-1166.
- Petit, P. (1957) *Les étudiants de Libanius*. Paris: Nouvelles éditions latines,
- Prato, C.; (1984) Fomaro, A. *Giuliano Imperatore: Epistola a Temistio*. Lecce: Milella.
- Regnault, L. “Arsenius of Scetis and Turah, Saint,” *Copt. Encycl.* Vol 1. (1991) 240a – 241b.
- Rougé, J. (1958) “La pseudo-bigamie de Valentinien Ier,” *Cahiers d'histoire* 3.5–15.
- Rubenson, S. (2013) “The Formation and Re-formations of the Sayings of the Desert Fathers,” *Studia Patristica* LV. 5-22.
- Sabbah, G. (1992) “Présences féminines dans l'histoire d'Ammien Marcellin: Les rôles politiques,” ed. by H.C. Teitler, J. den Boeft, D. I. den Hengst. *Cognitio Gestorum: The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus*. Amsterdam; New York: Royal Academy of Netherlands, 91-105.

- Salzman, M.R. (2021) *The Falls of Rome: Crises, Resilience, and Resurgence in Late Antiquity*. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press.
- Schemmel, F. (1908) "Die Hochschule von Konstantinopel im IV. Jahrhundert p. C. n.," *JKPh*. 22. 147-168.
- Schlange-Schöningh, H. (1995) *Kaisertum und Bildungswesen im spätantiken Konstantinopel*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Scott, R. (2012) "From propaganda to history to literature: the Byzantine stories of Theodosius' apple and Marcian's eagles," *Byzantine Chronicles and the Sixth Century*. London; New York: Routledge, 115-132.
- Sivan, H.A. (1988) "Forerunner of Ausonius. Notes on Aemilius Magnus Arborius, Ausonius," *Ancient History Bulletin* 2, 145-149.
- Sivan, H. (1993) *Ausonius of Bordeaux: Genesis of a Gallic Aristocracy*. London; New York: Routledge.
- Sivan, H. (1996) "Was Theodosius I a Usurper?," *Klio* 78.1, 198-211.
- Smith, R. (1995) *Julian's Gods: Religion and Philosophy in the Thought and Action of Julian the Apostate*. London; New York: Routledge.
- Sogno, C.Q. (2006) *Aurelius Symmachus: a Political Biography*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Storch, R.H. (1972) "The XII Panegyrici Latini and the Perfect Prince," *Acta Classica*. 15. 71-76.
- Swain, S. (2013) *Themistius, Julian and Greek Political Theory under Rome*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Teitler H. (2007) "Ammianus on Valentinian. Some Observations," ed. by J. den Boeft; et al. *Ammianus after Julian*. Leiden; Boston: Brill, 53-70.
- Treadgold W. (2007) "The Byzantine World Histories of John Malalas and Eustathius of Epiphania," *The International History Review* 29.4, 709-745.
- Vanderspoel, J. (1987) "The Fourth Century Philosopher Maximus of Byzantium," *Ancient History Bulletin* 1.3, 71-74.
- Vanderspoel, J. (1995) *Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Vedeshkin, M.A. (2022) "The Pagan Father for Olympias the Deaconess," *Scrinium* 18.1, 407-419.
- Vitiello, M. (2015) "Emperor Theodosius' Liberty and the Roman Past," *Harvard Studies in Classical Philology* 108, 571-620.

- Watts, E.J. (2012) "Education: Speaking, Thinking, and Socializing," *The Oxford Handbook of Late Antiquity*: Oxford University Press, 467-486.
- Watts, E.J. (2015) *The Final Pagan Generation*. Oakland, California: University of California Press.
- Woods, D. (2004) "The Constantinian Origin of Justina (Themistius, Or. 3.43b)," *The Classical Quarterly* 54. 1, 325-327.
- Zuckerman, C. (1999) "Comtes et dues en Égypte autour de l'an 400 et la date de la Notitia Dignitatum Orientis," *Antiquité Tardive* 6, 137-147.
- Александрова, Т.Л. (2018) *Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450)*. Спб.: Алетейя. [Aleksandrova, T. L. (2018) *Vizantijskaja imperatrica Afinaida-Evdokija: zhizn' i tvorchestvo v kontekste jepohi pravlenija imperatora Feodosija II (401–450)*. Spb.: Aletejja].
- Александрова, Т.Л. (2019) "Образовательная политика Феодосия II и судьба Константинопольского Аудиториума," *Hypothekai* 3, 278-300. [Aleksandrova, T.L. (2019) "Obrazovatel'naja politika Feodosija II i sud'ba Konstantinopol'skogo Auditoriuma," *Hypothekai* 3, 278-300].
- Афиногенов, Д.Е. (2004) "К происхождению легенды о св. Арсении — воспитателе императоров Аркадия и Гонория," *Вестник древней истории* 284/1. С. 49-60. [Afinogenov, D.E. (2004) "K proishozhdeniju legendy o sv. Arsenii — vospitatele imperatorov Arkadija i Gonorija," *Vestnik drevnej istorii* 284/1. S. 49-60].
- Васильевский, В.Г. (1887) "Синодальный кодекс Метофраста," *Журнал Министерства Народного Просвещения* CCCXI.6, 332-404. [Vasil'evskij, V.G. (1887) "Sinodal'nyj kodeks Metofrasta," *Zhurnal Ministerstva Narodno Prosveshhenija* CCCXI.6, 332-404].
- Ведешкин, М.А. (2018) *Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв.* Спб.: Алетейя. [Vedeshkin, M.A. (2018) *Jazycheskaja oppozicija hristianizacii Rimskoj imperii IV–VI vv.* Spb.: Aletejja].
- Ведешкин, М.А. (2021) "От «гречишки» до «молнии»: о многих прозвищах императора Юлиана," *Одиссей: человек в истории* 29, 176-200. [Vedeshkin, M.A. (2021) "Ot «grechishki» do «molnii»: o mnogih prozvisshah imperatora Juliana," *Odissey: chelovek v istorii* 29, 176-200].
- Ведешкин, М.А. (2022a) "«Пивняк», «Мясник» и «Змеевик»: прозвища римских императоров конца IV – начала VI вв.," *Одиссей: человек в истории* 28, 274-302. [Vedeshkin, M.A. (2022a) "«Pivnjak», «Mjasnik» i «Zmeevik»: prozvisshha rimskih imperatorov konca IV – nachala VI vv.," *Odissey: chelovek v istorii* 28, 274-302].

- Ведешкин, М.А. (2022b) “Константин I и философы: некоторые аспекты культурно-образовательной и религиозной политики христианского августа,” *Диалог со временем* 81, 263-279. [Vedeshkin, M.A. (2022b) “Konstantin I i filosofy: nekotorye aspekty kul'turno-obrazovatel'noj i religioznoj politiki hristian-skogo avgusta,” *Dialog so vremenem* 81, 263-279].
- Козлов, А.С. (1982) Основные направления политической оппозиции правительству Византии в первой половине V в.,” *Античная древность и Средние века*. 19, 5-28. [Kozlov, A.S. (1982) Osnovnye napravlenija politicheskoi oppozicii pravitel'stvu Vizantii v pervoj polovine V v.,” *Antichnaja drevnost' i Srednie veka*. 19, 5-28].
- Мирошниченко, Е.И. (2021) *Синесий Киренский: личность и этикет в позднеантичной эпистографии*. СПб.: Нестор-История. [Miroshnichenko, E.I. (2021) Sinesij Kirenskij: lichnost' i jetiket v pozdneantichnoj jepistolografii. SPb.: Nestor-Istorija].
- Уоттс, Э. (2019) “Образование в поздней Античности: общение, мысль и социализация,” *Гипотезы* 3. 306-338. [Uotts, Je. (2019) “Obrazovanie v pozdnej Antichnosti: obshhenie, mysl' i socializacija,” *Gipotekai* 3. 306-338].
- Чекалова, А.А. (2010) *Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века*. М.: Наука. [Chekalova, A.A. (2010) Senat i senatorskaja aristokratija Konstantinopolja. IV – pervaja polovina VII veka. M.: Nauka].

Mikhail VEDESHKIN

EDUCATING THE SOVEREIGN

COURT TEACHERS OF THE HEIRS OF THE ROMAN EMPERORS OF THE LATE 4TH CENTURY – THE FIRST HALF OF THE 5TH CENTURY

This article is dedicated to a variety of problems related to the education of the heirs of the Valentinian-Theodosius dynasty. It covers the biographies of the tutors of the royal children (Ausonius, Themistius, Arsenius, Antiochus, Anastasius, Petronius Maximus), evaluates the activities of the court schools, traces the transformation of the status of the tutors assigned to the heirs to the throne, describes the principles of their recruitment, and makes an attempt to reconstruct the curriculum of their schools. The conclusion is made that in contrast to the 1st – 3rd century A.D., the status of the court teacher had significantly strengthened. The educational pro-

grams of the court schools generally repeated the curricula of the ordinary grammar and rhetorical schools of the Empire. The article argues that the teachers of the heirs, as a rule, were chosen from the segments of the nobility, in whose support the government was most interested at the time. In addition, it is noted that children of prominent officials and military officers were involved in the education of future sovereigns. This practice introduced a competitive element into the educational process and served as a guarantee of the loyalty of the fathers of classmates of the heirs.